

Раздел 3

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ведущие эксперты раздела:

ЛИДИЯ ПАВЛОВНА ГЕКМАН – доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусства (г. Барнаул)

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ПЕРВУШИНА – кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе АлГАКИ (г. Барнаул)

УДК 94(9):327(9)

Timoshenko V.N. "THE DIBB REVIEW" AND AUSTRALIAN DEFENCE POLICY IN 80-TH OF XX CENTURY. Internal changes taking place in Australia to top the 80-ies of XX century, and changes in the geopolitical situation in the Asia Pacific region forced the Labour government of Australia to develop a new defense strategy of national defense. The strategy was presented in an analytical review «Australia's defense capabilities» for the year 1986, more commonly known as "the Dibb Review.". For the first time since the founding of the Australian Union at the forefront of the strategy of defense and security to advance their own Australian interests, not the interests of key allies. At the same time striving to maintain good relations with the United States forced the Australian government to seek a balanced approach to block ANZUS and to build a special relationship with New Zealand.

Key words: "Defense at the forefront", ANZUS, "Australia – a fortress", "the concept of deterrence", "depth strategy of defence", ANZAC, anti-nuclear policy.

В.Н. Тимошенко, зав. каф. всеобщей истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета, канд. ист. наук, доц., E-mail: valery@khsu.ru

«ДОКЛАД ДИББА» И ПОЛИТИКА АВСТРАЛИИ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ В 80-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Внутренние изменения, происходившие в Австралии к началу 80-х годов XX века, и изменения геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе вынудили лейбористское правительство Австралии разработать новую оборонную стратегию национальной обороны. Эта стратегия была представлена в аналитическом обзоре «Оборонные возможности Австралии» за 1986 год, более известном под названием «Доклад Дибба». Впервые с момента основания Австралийского Союза на первый план в стратегии обороны и безопасности выдвигались собственно австралийские интересы, а не интересы главных союзников. В тоже время стремление сохранить хорошие отношения с США вынуждали австралийское правительство искать сбалансированный подход к проблемам блока АНЗЮС и выстраивать особые отношения с Новой Зеландией.

Ключевые слова: «оборона на передовых рубежах», АНЗЮС, «Австралия – крепость», «концепция сдерживания», «стратегия многослойной (глубокоэшелонированной) обороны», АНЗАК, антиядерная политика.

В XX веке внешнеполитический курс Австралийского Союза основывался на военно-политическом сотрудничестве с Великобританией, а после второй мировой войны с Соединенными Штатами Америки. Участие Австралии в военно-политических союзах АНЗЮС (Австралия, Новая Зеландия, США) и АНЗЮК (Австралия, Новая Зеландия, Великобритания) явилось закономерным результатом стратегической доктрины «обороны на передовых рубежах», цель которой состояла в том, чтобы совместно с западными державами остановить распространение коммунизма как можно дальше от австралийского континента. В течение длительного послевоенного времени, следуя доктрине «обороны на передовых рубежах», Австралия практически была лишена возможности принимать участие в разработке стратегических концепций в области обороны и безопасности. Это право оставалось за главным «протектором» – Соединенными Штатами Америки. Страна могла участвовать в системе коллективной безопасности, модернизировать свои вооруженные силы, но никогда не вносила какого-либо вклада в развитие стратегической мысли как глобального, так и регионального масштабов. Как писал известный австралийский политолог Р. Бэббидж, во время

господства доктрины «обороны на передовых рубежах» не было необходимости развивать сбалансированную систему обороны Австралии. Австралийские вооруженные силы были несовершенны. При проведении операций за пределами австралийского континента, отсутствие или недостаточное обеспечение отдельных родов войск не имели значения, поскольку всегда могло быть компенсировано за счет союзников. Оборонные интересы самой Австралии в расчет практически не принимались [1, p. 164].

В марте 1983 г. лейбористское правительство во главе с Р. Хоуком приступило к разработке новой политики в области обороны и национальной безопасности. Министр обороны Австралии К. Бизли поручил провести анализ оборонной политики своему консультанту Полу Диббу. Профессор П. Дибб занимал официальный пост в Объединенном комитете по разведке при министерстве обороны и имел заметное влияние на формирование оборонной политики лейбористского правительства. Доклад Дибба под названием «Оборонные возможности Австралии» был представлен министру обороны в мае 1986 г.

Наиболее важным положением представленного доклада была оценка стратегической ситуации в контексте австралийской безопасности. В докладе утверждалось, что в настоящее время Австралия является одной из самых безопасных стран мира. Она отдалена от главных центров глобального противостояния. Географическое месторасположение Австралии и окружающая среда составляют естественный пояс ее безопасности. Только супердержавы способны осуществить крупномасштабное вторжение на континент. Однако вероятность войны между супердержавами настолько мала, что Австралия должна исключить ее возможность при разработке новой военной стратегии. «Лучшей защитой от ядерной войны, – говорилось в докладе, – являются правительственные действия по поддержке процессов разоружения и контроля над вооружениями» [2, р. 493]. Так как Австралии не грозит (и не грозило) крупномасштабное вторжение, то не было никакой необходимости вступать в АНЗЮС и подвергать себя риску быть втянутым в глобальный конфликт. Отныне ни эта возможность, ни какие бы то ни было обращения за помощью в рамках блока не должны влиять на структуру и обеспечение австралийских вооруженных сил. Период зависимости от союзников закончился. Что же касается обязательств по АНЗЮС, то группа Дибба считала, что наличие совместных военных объектов на территории Австралии, заходы в ее порты американских кораблей и разрешение на базирование бомбардировщиков Б-52 будут являться достаточным вкладом в этот оборонный союз. АНЗЮС важен для Австралии с точки зрения получения разведывательной информации и доступа к высоким военным технологиям. Любая возможность вовлечения страны в американские планы по развязыванию глобальной войны полностью исключалась. Новая политика не означала отказ от принадлежности западному альянсу в целом. По мнению К. Бизли, «способность защитить себя является абсолютным минимумом, который любая уважающая себя страна может внести в качестве такого вклада» [3, р. 496].

Отсутствие прямой угрозы австралийскому континенту, говорилось в докладе, не означало отсутствия возможности возникновения конфликтов более низкого уровня, которые могут произойти уже в рамках определенного десятилетия. Исходя из этого, должна строиться новая оборонная стратегия страны. Австралия должна иметь такой военный потенциал, который позволил бы предотвратить любое нападение на ее территорию и противостоять любым попыткам силового давления на внутреннюю и внешнюю политику страны. Главным приоритетом военной стратегии является защита своих собственных интересов. Эти интересы должны включать в себя не только собственную территорию, но и примыкающую к нему водное и воздушное пространство, ресурсную зону и морские коммуникации. «Сильный и устойчивый регион, – отмечалось в докладе, – является фундаментом нашей безопасности» [4, р. 496].

Детально исследовав предшествовавшие оборонительные концепции, такие как «Австралия – крепость», «концепция сдерживания», «концепция внутренней силы», группа Дибба пришла к выводу об их несоответствии новым стратегическим задачам в условиях отсутствия угрозы прямого военного вторжения. Взамен она предложила многослойную систему обороны, способную создать для потенциального противника существенные трудности при пересечении морского и воздушного пространства на подступах к континенту. Новая оборонная концепция, получившая название «стратегия отказа», предполагала отказ от использования австралийских вооруженных сил за пределами зоны их ответственности. Она строилась на максимальном использовании географических и природных факторов, чтобы заставить противника воевать в непривычных ему условиях. Для отражения возможных угроз предлагалось создать многослойную систему обороны. Первый слой должен был остановить враждебные силы при пересечении ими морской и воздушной границ области прямого

военного интереса. Второй слой предназначался для защиты ресурсных зон Австралии и побережья. Третий слой предполагал защиту непосредственно континента (в основном на севере), населения, инфраструктуры и промышленности.

Основной вывод, который можно сделать из анализа доклада Дибба заключается в том, что впервые в своей истории Австралия решила строить свою оборонную политику, опираясь на собственные силы и исходя из собственных представлений о возможных потенциальных угрозах. Отношения с союзниками отодвигались на второй план.

Доклад Дибба прозвучал тревожным сигналом в Вашингтоне. Крайне негативно отнеслись к предложенной им оборонной политике представители Пентагона. Начальник штаба Тихоокеанского флота США адмирал Д. Лэнс критиковал концепцию Дибба за «изоляционистский характер» и «замкнутость». Он докладывал в Вашингтон, что эта концепция будет неприемлемой ни для министра обороны К. Уайнбергера, ни для государственного секретаря США Д. Шульца [5, р. 152]. Особенно американские представители сетовали на то, что доклад появился в тот момент, когда кризис АНЗЮС из-за политики Новой Зеландии находился на самой высшей точке.

План реализации новой оборонной политики был представлен в Белой книге министерства обороны Австралии за 1987 г., которая, в отличие от доклада Дибба, являлась официальным правительственным документом. Белая книга базировалась на докладе Дибба и, по мнению специалистов, мало от него отличалась. Стратегия новой оборонной политики была представлена как «стратегия многослойной (глубокоэшелонированной) обороны». Цель этой стратегии – предотвратить возможное нападение на Австралию с севера. Достижение этих целей станет возможным при условии наблюдения за противником на дальних подступах. Это планировалось осуществлять с помощью загоризонтальных радиолокационных станций.

В Белой книге также было объявлено о строительстве восьми новых легких сторожевых кораблей, каждому из которых будет придан вертолет поддержки. Старые подводные лодки класса «Оберон» к началу 90-х годов планировалось заменить новыми шведскими субмаринами, специально построенными по заказу Австралии. Впервые в Австралии будут построены шесть минных тральщиков [6, р. 931].

Кроме этого, в Белой книге отмечалось, что новая оборонная стратегия, основанная на способности пресечения вражеских атак на подступах к континенту, требует пересмотра роли сухопутных войск. Их техническая мощь (танки и тяжелая артиллерия) будет сокращена. Зато улучшится подвижность воинских подразделений. Для этой цели правительство планирует закупку новых вертолетов. Стратегическая логика новой оборонной политики, говорилось в Белой книге, диктует необходимость сосредоточения основных сил на севере Австралии. Следуя рекомендациям Дибба, правительство планировало в дополнение к главным военно-воздушным базам в Дарвине и Таунсвилле строительство аэродрома для Ф/А-18 в Тиндале к югу от Дарвина и авиационных баз в Лермоте на северо-западе и Дерби на мысе Йорк на северо-востоке. Белая книга также предусматривала передислокацию в Дарвин 2-го Кавалерийского полка и одной пехотной бригады. На север также будут переброшены воинские части Армии резервистов. Кроме того, в Белой книге было объявлено о передислокации половины военно-морского флота с восточного побережья на западное, что «стратегически целесообразно при угрозах с севера» [7].

Претворение в жизнь новой оборонной политики столкнулось с рядом трудностей. Главным образом они носили финансовый характер. Предполагалось тратить на оборону 3% от ВВП страны. Однако уже в 1987 г. министр финансов П. Китинг значительно урезал военный бюджет и объявил, что в дальнейшем он вряд ли будет достигать необходимого уровня в три процента [8, р. 153]. Реализация ряда программ, преду-

смотренных в Белой книге, отсрочивалась, расходы на осуществление ряда военных проектов урезались. Так серьезные трудности возникли при передислокации флота из Сиднея. Правительство пыталось пополнить военный бюджет за счет доходов от экспорта вооружений, который оно планировало увеличить до 250 млн. долл. в год [9, р. 108]. Однако ожидаемых доходов экспорт вооружения не приносил из-за сильной конкуренции на рынках стран третьего мира. Издержки расходов на оборону продолжали возрастать. Из армии началась массовая уценка квалифицированного персонала. Правительство вынуждено было вдвое увеличить денежное довольствие военнослужащим за счет сокращения численности армии и уменьшения расходов на материально-техническое обслуживание [10].

Политика лейбористского правительства в области обороны и национальной безопасности в 1983 – 1991 гг. привела к созданию принципиально новой оборонной стратегии, основанной на концепции «уверенности в себе». Эта политика заметно отличалась от предшествующей политики «Австралия – крепость». Она не предполагала участия в стратегических планах Соединенных Штатов Америки в рамках АНЗЮС и была сосредоточена на защите национальных интересов Австралии. В сферу национальных интересов была включена обширная территория тихоокеанского региона к югу от экватора, что соответствовало концепции превращения Австралии в среднюю региональную державу, занимающую лидирующую позицию в этой части земного шара. Принципиально новым в оборонной политике являлась переоценка уровня возможных угроз. Из числа потенциальных противников практически был исключен Советский Союз. Австралия фактически отмежевывалась от стратегических планов участия в глобальном противостоянии, сосредоточив главное внимание на защите от возможных угроз регионального характера. Это потребовало коренной перестройки вооруженных сил страны. Правительство Р. Хоука начало осуществлять этот процесс на практике, приняв основные положения, высказанные в докладе П. Дибба. Претворение в жизнь новой политики столкнулось с определенными экономическими трудностями. Реализация многих военных проектов откладывалась. Критики подвергали сомнению способность Австралии играть роль средней региональной державы, особенно в плане обеспечения военных интересов в столь обширном регионе. В то же время действия австралийского руководства показывали, что в указанный период они были направлены на реализацию новой оборонной политики, несмотря на трудности и критику со стороны оппозиции.

Новая концепция стратегической безопасности Австралии, выдвинутая лейбористским правительством в начале 80-х годов, не могла не отразиться на состоянии дел в военно-политическом союзе АНЗЮС и, в связи с этим, на отношениях с Соединенными Штатами Америки и Новой Зеландии. При формировании политики в отношении АНЗЮС лейбористы учитывали опыт участия страны в этом блоке, мнение специалистов и общественности страны. Австралийскую общественность волновала перспектива участия страны в глобальном противостоянии США с Советским Союзом, возможность нового вовлечения Австралии в региональные войны, развязанные Соединенными Штатами, и способность последних оказать реальную помощь Австралии в случае ее конфликта с третьей страной.

Сразу же после прихода к власти премьер-министр Р. Хоук высказался за пересмотр договора АНЗЮС «с учетом современных реальностей» [11, р. 2]. Эти «реальности» для австралийской стороны были очевидны. Как заявил министр обороны К. Бизли, «договорные обязательства (по АНЗЮС – авт.) никогда не предусматривали неременную поддержку Австралии со стороны США, если эта поддержка не будет совпадать с их интересами... В таких условиях Австралии остается надеяться только на собственные силы» [12, р. 397].

В то же время лейбористы не ставили под сомнение дальнейшее участие Австралии в блоке и существование американских военных объектов на территории континента. Р. Хоук высказался лишь за усиление австралийского наблюдения за их функционированием.

В июле 1983 г. на очередной сессии совета АНЗЮС в Вашингтоне по инициативе австралийской стороны впервые за 30 лет был поднят вопрос о взаимных обязательствах членов союза. Хотя австралийскому правительству не удалось добиться сколь либо значительных изменений в договоре, все же было заявлено, что сфера действий договора будет ограничена только южной частью Тихого океана. В итоговом коммюнике говорилось, что «АНЗЮС не освобождает правительство каждой из сторон от основной ответственности за обеспечение своей безопасности в пределах их возможностей» [13, с. 61]. На итоговой пресс-конференции министр иностранных дел Австралии У. Хэйден сетовал на то, что АНЗЮС не предполагает обязательств его членов оказывать поддержку друг другу в случае военных конфликтов. На что представитель американской стороны отметил, что речь идет о конфликтах небольшого масштаба. Иными словами, по выражению мельбурнской газеты «Эйдж», любой конфликт с участием Австралии мог быть расценен как мелкий, а с участием США – как большой, и Австралия обязана будет в нем участвовать [14, р. 9].

Политика лейбористского правительства в отношении АНЗЮС не носила изоляционистского характера и была нацелена на поиск компромисса, при котором военно-политическое сотрудничество между двумя странами продолжало бы сохраняться. Премьер-министр Р. Хоук сразу же после сессии АНЗЮС высказался за углубление австрало-американского военного сотрудничества в рамках блока. Министр иностранных дел Австралии У. Хэйден призывал руководствоваться «духом АНЗЮС» во внешней политике страны. Многие специалисты расценивали политику лейбористов как стремление поставить АНЗЮС на службу национальным интересам Австралии. Подобная позиция позднее явно будет просматриваться в докладе Дибба.

Отношения с США по-прежнему оставались «определяющим фактором» в австралийской внешней политике. Об этом свидетельствует в частности отказ лейбористов от своих предвыборных обещаний не допускать в порты страны американские корабли с ядерными силовыми установками и ядерным оружием на борту. В феврале 1984 г. правительство Р. Хоука, после состоявшихся консультаций с США и Великобританией, обязалось больше не требовать от посещавших ее порты военных кораблей союзников сведений об их вооружении [15]. Все это говорило о политике двойных подходов к проблемам блока АНЗЮС: с одной стороны, лейбористское руководство стремилось к самостоятельности в оборонных и внешнеполитических делах, с другой – не желало разрывать традиционные военно-политические связи с бывшим «основным протектором».

Наиболее отчетливо двойственность политики лейбористского руководства в отношении АНЗЮС проявилась во время кризиса блока во второй половине 80-х годов. Кризис был вызван в первую очередь радикальными действиями лейбористского правительства Новой Зеландии, которое в начале 1985 года ввело запрет на заходы в порты страны американских кораблей с ядерным оружием на борту или ядерными силовыми установками. Усугублению кризиса способствовало также подписание в этом же году государствами Южнотихоокеанского региона Договора Раротонга, по которому южная часть Тихого океана объявлялась безъядерной зоной. Правительство Р. Хоука активно участвовало в разработке проекта Договора. Однако, когда антиядерная политика государств Южнотихоокеанского региона начала принимать формы конфронтации с Соединенными Штатами Америки и угрожать распаду АНЗЮС, австралийское правительство стало прила-

гать усилия по смягчению обстановки. Как отмечал американский исследователь П. Пауэр из университета Цинцинатти, «поддержка правительством Р. Хоука безъядерной зоны и других актов разоружения не означала достижение деамериканизации Тихого океана. Политика Хоука была направлена на поиск компромиссов» [16, p. 463].

Попытки США втянуть Австралию в антиновозеландскую кампанию правительством Р. Хоука были отвергнуты. Еще в сентябре 1984 г. оно дало ясно понять, что несогласие с антиядерной политикой Д. Лонги не означает, что Австралия последует примеру США в отношении Новой Зеландии [17, p. 46-49].

В марте-апреле 1985 г. К. Бизли совершил визит в Новую Зеландию на ежегодную встречу министров обороны двух стран, во время которой он заявил, что «разногласия между Новой Зеландией и США не повлияют на австрало-новозеландское сотрудничество в области обороны» и более того «в нынешней ситуации транс-тасманское военное сотрудничество становится еще более важным» [18, p. 121]. Австралия по-прежнему рассматривала Новую Зеландию как важнейший региональный аспект австралийской безопасности в Южной части Тихого океана. Согласно новой оборонной концепции, предложенной группой Дибба, Новой Зеландии отводилась роль дополнительной силы в военной стратегии Австралии. Ее вооруженные силы смогли бы добавить пятнадцать процентов к австралийской военной мощи, что позволило бы в полной мере обеспечить выполнение австралийской оборонной программы. Как отмечалось в «Оборонном обзоре Австралии 1987 года», «сотрудничество с Новой Зеландией необходимо продолжать не только потому, что эта страна является старым и надежным другом, но и потому, что это отвечает интересам самой Австралии с точки зрения обороны ее территории и региона в целом» [19, p. 45].

Австралия активно стала продавать оружие своему партнеру. В новозеландские вооруженные силы были поставлены автоматы «Миними», 105 мм артиллерийские установки,

налажено совместное производство винтовок системы Стайера. Стоимость данных проектов составила около 40 млн. долларов [20, p. 148]. Наиболее значимым явился проект «Фрегат АНЗАК», рассчитанный на долгие годы вперед. Новая Зеландия предполагала закупить у Австралии несколько фрегатов для своих ВМФ в обмен на допуск новозеландских компаний к тендерам по заключению контрактов на австралийском рынке оборонной промышленности. Большую роль играла Австралия в обучении новозеландского военного персонала. Помимо больших групп кадетов, обучавшихся в австралийских военных колледжах, значительное число офицеров из Новой Зеландии проходило стажировку в частях и штабах австралийских вооруженных сил. Австралия также продолжала снабжать Новую Зеландию разведывательной информацией, если она была получена не из американских источников. Как отмечали специалисты, введенный США запрет на поставку разведанных в Новую Зеландию оказался неэффективным, поскольку отдаленные районы земного шара ее не интересовали, а необходимой информацией по Южнотихоокеанскому региону ее снабжала Австралия [21, p. 14].

Таким образом, политика лейбористского правительства Австралии в отношении блока АНЗЮС и партнеров по блоку носила прагматический характер и, в основном, отражала настроения австралийского общества. Сохранение военно-политических отношений с США по-прежнему являлись приоритетной задачей внешней политики. В то же время прослеживалась тенденция к извлечению Австралией большей пользы от членства в блоке и использования АНЗЮС для решения многих политических и экономических задач, стоявших перед страной. Кризис АНЗЮС не повлиял серьезным образом на военно-политическое и экономическое партнерство стран АНЗАК. Были подписаны договоры о тесном экономическом сотрудничестве и значительно расширились военно-технические контакты между Австралией и Новой Зеландией. Все это показывало стремление Австралии играть более самостоятельную роль в региональных делах.

Bibliography

1. Babbage, R. Australian Defence Planning. Force Structure and Equipment: the American Effect // Australian Outlook. – 1984. – December.
2. Australia's Defence Capabilities: the Dibb Review // Australian Foreign Affairs Record (AFAR). – 1986. – Vol. 57. – № 6.
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Pugh, M. The ANZUS Crisis, Nuclear Visiting and Deterrence. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989.
6. Australian Foreign Affairs Record (AFAR) – Canberra, May 1987. – Vol. 56. – № 5.
7. The Defence of Australia [Э/п]. – П/д: www.library.unsw.edu.au/~thesis/adt-ADFA/uploads/approved/adt-ADFA20030410.150908/public/06chapter5.pdf
8. Pugh M. The ANZUS Crisis.
9. Review of Australia's Defence Facilities: Report to the Ministry for Defence by Robert J. Cooksey. Canberra: Australian Government Publishing Service. 1988. – Chapter 9.
10. Cheeseman G. Australia's Defence: White paper in the Red // Australian Journal of International Affairs, 1990. – Vol. 44. – № 2.
11. The World Today, 1983. – March 7.
12. AFAR. May 1985. – Vol. 56. – № 5.
13. США: экономика, политика, идеология. – М., 1987. – № 6.
14. Weekly Newsletter, 1984. – March 5.
15. The Age. – 1983. – July 21.
16. Power Paul F. The South Pacific Nuclear-Weapon-Free Zone // Pacific Affairs. – 1986. – Vol. 59. – № 3.
17. AFAR. – 1984. – Vol. 55. – № 11.
18. McMillan S. Neither Confirm nor Deny. The Nuclear Ship Dispute between New Zealand and the USA. – N.Y.: Praeger Publisher, 1987.
19. The Defence of Australia 1987.
20. AFAR. – 1987. – Vol. 58. – № 3.
21. New Zealand International Review. – 1993. – Vol. 18. – № 5.

Статья поступила в редакцию 12.04.11

УДК 7.032(315)

Vats Alla. THE ART OF DANCING IN ANCIENT CHINESE MYTHOLOGICAL NARRATIVES. The article examines a phenomenon of dance in ancient Chinese narratives directly relating to Chinese mythology. On the base of Chinese materials the author proposes new version of the classification, which makes it possible to trace specific character, localization and dynamics of the development of this phenomenon.

Key words: China, dance, Mythology.

А.Б. Вац, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, E-mail: lotos_roza@yahoo.com

ТАНЦЕВАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ

Данная статья рассматривает проявление танца в древнекитайских повествованиях, имеющих непосредственную связь с мифологией Китая. На базе китайских материалов, автор предлагает свой вариант классификации, позволяющий проследить специфику, локализацию и динамику развития танцевального искусства.

Ключевые слова: Китай, танец, мифология.

Современные китайские ученые в поисках истоков национального танцевального искусства обратились к малоизвестным древним сочинениям, в которых обнаружили записи нескольких мифологических сюжетов. Особый интерес представляет собой сюжет, связанный с богиней Нюй-ва (女*), главным деянием, которой считают сотворение человека. В древнекитайской мифологии она архаическое женское божество, первое упоминание о которой дается в поэме «Тянь вэнь» («Вопросы к небу») Цюй Юаня (4 в. до н. э.). Во всех памятниках нашей эры и в изобразительном искусстве, Нюй-ва имеет облик полуженщины-полужмеи. Согласно мифу, который описан в «Фэнсу тун» («Толкование нравов и обычаев») Ин Шао (2 в. н. э.), Нюй-ва лепила людей из глины, но так как работа была крайне сложной и трудоёмкой, она опускала в глиняную жижу верёвку и, выдергивая, стряхивала её. Из левевших на землю комочков получались люди, от которых пошли бедные и низко родные. Знатные и богатые произошли от тех, кого Нюй-ва вылепила своими руками. Таким образом, богиня являлась прародительницей людей, что, несомненно, показывает ее значимость для китайского народа. В том же памятнике Нюй-ва приписывается установление бракосочетаний. На рельефах начала н. э. Нюй-ва изображается в большинстве случаев вместе с Фу-си, с другим божеством, о котором речь пойдет ниже.

В различных повествованиях о Нюй-ва ей приписываются и другие деяния, среди которых – создание музыкального инструмента – *шэн* (笙) или *хулу-шэн* (葫蘆笙), («губной органчик»), изготовленный из тыквы горлянки (*хулу*葫蘆), а так же танца «Ху-шэн у» (葫笙舞) («Танец, под [аккомпанемент] *шэна*»), который нужно было исполнять каждый второй месяц года по лунному календарю, когда приносили жертвоприношения богине [1]. Следует отметить, что *шэн* является реальным и, более того, одним из древнейших и широко используемых китайских музыкальных инструментов. Одни из самых специфических китайских инструментов, являются изготовленные из тыквы-горлянки. В европейской классификации инструментов их относят к духовым язычковым. Инструменты представляют собой комбинацию из воздушного резервуара, роль которого чаще всего действительно исполнял тыквенный сосуд, снабженный особым приспособлением для регуляции притока воздуха, и набора бамбуковых или тростниковых трубок. Самым известным инструментом данной группы как раз и является губной органчик-*шэн* (笙). Литературные источники возводят его к глубокой древности и наделяют необыкновенными музыкальными достоинствами, к примеру, даже считалось, что его звучание могло точно воспроизвести пение фениксов. Звук в инструменте извлекается путем вдвигания воздуха в резервуар и закрытием пальцами круглых отверстий на трубках – клапанов. *Шэн* сохранялся почти на всем протяжении истории китайской музыкальной культуры [2]. Данный музыкальный инструмент, широко использовали в придворных оркестрах, а так же в простонародном музыкальном творчестве. В первом случае он обычно включал в себя набор из 17-и трубок и воздушный резервуар, сделанный из выдолбленного дерева. Т.е. связь с Нюй-ва действительно освящает авторитет и значимость *шэна*. Кроме того, следует помнить, что легенда о создании музыкального инструмента *шэн* находится в русле общих представлений о

происхождении музыкальных видов искусства как божественного дара. Изобретение ряда других инструментов, а также создание песенно-музыкальных произведений тоже связывается с именами божественных персонажей [3], что говорит об их значимости.

Авторитету *шэна* способствовали и религиозные представления о самой тыкве-горлянке, поскольку та зачастую почиталась как вместилище душ предков. Безотнositельно деяний Нюй-ва, с тыквой-горлянкой связан еще один древний ритуальный танец, предназначенный «выпустить» дух предка из этого плода. Рассказывается, что дабы выпустить затаенный дух предков, люди могли на протяжении всей ночи исполнять специальный танец: часть исполнителей играли на музыкальных инструментах, другие – танцевали. Главную партию исполнял священнослужитель (шаман, жрец), который имитировал сбор тыкв [1].

Таким образом, ассоциации возникновения танцевального искусства с образом Нюй-ва оказываются весьма устойчивыми. Исходя из того, что Нюй-ва выступает в китайской мифологии, в первую очередь, в роли демиурга, можно предположить, что возникновение танцевального искусства приравнивается к акту сотворения человека.

Называются еще несколько танцев, связываемых с образами других мифических персонажей, таких как: Фу Си (伏羲), Шэнь-нуна (神*) и Желтого императора (Хуан-ди 黃帝) [4]. Сам по себе набор этих персонажей более чем показателен и значим. Фу Си – легендарный правитель, которому, согласно китайской традиции, люди обязаны умению ловить рыбу, охоте и приготовлению пищи на огне. Фу Си первым сплёл из верёвки рыболовные сети, а также изобрел письменность, а точнее первые 8 *триграмм* (*ба гуа* 八卦), ставших основой для письма и китайской учёности. Сохранились сведения о специально посвященном танце Фу Си «Фу лай» («Оказавшему помощь» 扶來), в котором танцоры показывали то, как Фу Си обучил людей искусству рыбной ловли и охоты. О том, что этот танец представлял собой не просто коллективную пляску, а подобие танцевального представления свидетельствует включение в него сцен (или движений), передававших обучение плетению рыболовных сетей [1], ибо сам по себе акт плетения уже говорит о многообразии движений.

Шэнь-нун, имя, которого можно перевести как «Божественный земледелец», архаическое божество, которому приписывается обучение людей земледелию. Данный акт нашел свое отражение в посвященном ему танце – «Фу ли» («Хожение за сохой» 扶犁). Сохранились сведения, что его исполнили несколько групп людей, и что он состоял, по меньшей мере из двух танцевальных частей: вначале исполнители двигались медленно и синхронно; затем – танец превращался в коллективную пляску. Кроме того, этот танец наделялся магической функцией, и служил способом обращения к высшим силам с просьбой о ниспослании богатого урожая [5].

Хуан-ди (Желтый император), легендарный совершенно мудрый государь и одновременно божественный персонаж. В историографической традиции, тесно связанной с конфуцианством, Хуан-ди выступает в роли именно государя, с которым связано возникновение китайских этноса, государственности и цивилизации

Его почитали как покровителя главной зоны мирового пространства – Центра. В этой ипостаси Хуан-ди выступает в мифологических сюжетах и связанных с ними повествованиях. С данным персонажем связаны два различных танца. Один из которых «Великое собрание [у] Облачных ворот» («Юнь-мэнь дацзюань»云 ▪ 大卷), судя по его описанию, являлся сугубо ритуальным действием, предназначенным для воспеваания этого божества [6, с. 4]. Другой танец – «Чи-ю си» («Пляска [о] Чи-ю») восходят к мифу о битве Желтого императора с чудовищем-великаном Чи-ю (蚩尤). Вот, что рассказывается о чудовище: он имел тело человека, шесть рук, четыре глаза и медную голову с длинным, острым рогом. Если волосы за ушами вставали торчком, то они напоминали мечи и трезубцы. Он питался камнями, песком и металлами. Чи Ю и его пятьдесят братьев, таких же великанов-чудовищ, собрали вокруг себя армию из южных народностей (предположительно народность *мяо*苗族), а также зверей и злых духов, и вторглись во владения Хуан-ди, на сторону которого тоже встали не только люди, но и звери, добрые божества и духи. Армия Желтого императора чуть было не потерпела поражение от войска Чи-ю. Однако во время сражения Хуан-ди приказал трубить в чудесный рог, звук которого, был подобен рыку дракона. Это был переломный момент сражения, ибо звучание рога так напугало армию чудовища Чи-ю, что те ударились в бегство. «Пляска о Чи-ю» была посвящена этому событию. Исходя из графических особенностей древнейшей формы иероглифа «чи», высказывается предположение, что танец мог исполняться людьми в масках с рогами, которые разыгрывали подобие поединка [1]. Так же имеются сведения, о существовании «Танца Чи-ю» («Чи-ю у»), который был создан южной народностью яо (яоцзю瑶族), чтобы, напротив, почтить память Чи-ю и воспеть его воинское искусство.

Оба танца, посвященные Чи-ю отнюдь не были единственными образцами «военного танца». Еще в более очевидном виде эта танцевальная традиция проступает в танце «Ганьци у» («Танец [со] щитами и топорами»干戚舞) [5]. Оба иероглифа, входящие в название танца, являются военными терминами: «гань»干- «щит», «ци»戚 – «боевой топор». Поэтому сразу же можно предположить, что он имитировал схватку в танце и служил для боевой подготовки, скорее всего военных. Кроме того, этот танец тоже восходил к эпизоду «сражения богов»: битве Хуан-ди с еще одним великаном – Син-тянь, которому он отрубил голову [6]. Не исключено, что в нем нашли отражение верования не только собственно китайцев (ханьцев), но и других народностей, в первую очередь, вышеупомянутых *мяо*. Примечательно, что в некоторых танцах национальных меньшинств Китая до сих пор присутствуют элементы, которые ассоциируются с движениями из ушу и возводятся к древнему танцу «Ганьци у» (干戚舞). В источниках перечисляются еще несколько «военных танцев», возникших после «Ганьци у», в т.ч. «Лю у» («Шесть танцев»六舞), восходящий к XI в. до н.э., и состоявший из двух частей, обе эти части содержали в себе элементы ушу; «Великий ливень» («Да хо»大濩) и «Великая

военная сила» («Да у»大武. Исполняя эти танцы, танцоры держали в руках щиты и боевые топоры. Другой танец «Танец с плетеными щитами» («Тэнпай у» 藤牌舞), служил для тренировки воинов (по ходу танца они приобретали навыки, как лучше уклоняться от ударов противника). Более того, в I в. до н.э. существовал специальный «Танец со щитом» («Гань у»干舞), предназначенный для обучения подростков как танцевальному, так и боевому искусству [5].

Самым же сложным из легендарных древнекитайских танцев, очевидно был танец «Музыка рода Гэтянь-ши» («Гэ-тянь шичжи юэ» 葛天氏之 ▪). В отличие от его характеристики, данной в «Люйши чуньцю» (когда, напомним, несколько человек тянули буйвола за хвост), сохранились сведения, что он представлял собой исключительно сложное действо, состоявшее из восьми различных частей [1]. Этот танец может быть еще одним ярким примером того, как люди во время своих плясок восхваляли различные божества. Во время его первой части, называемой «Прошение о благе для народа» («Цзай-минь» ▪ 民), возносились моления высшим силам о ниспослании людям жизненных благ. Вторая часть – «Темная/Таинственная птица» («Сюань-няо» 玄 ▪), была посвящена волшебной птице, предположительно, тотемному предку древних китайцев, которой те молились. Третья часть – «Травы и деревья» («Чжу-цаому» 逐草木), содержала просьбу к высшим силам о росте и плодоносности растений, а четвертая – «В полете над пятью ущельями» («Фэнь угу» ▪ 五谷) – о ниспослании богатого урожая. В пятой – «Почитание небесного порядка» («Цзинтянь чан» 敬天常), шестой – «Постижение деяний божественных предков» («Да ди гун 达帝功) и седьмой частях – «Закон благой силы Земли» («И ди дэ» ▪ 地德) содержались благодарения соответственно Небу, предкам и Земле. Заключительная часть «танца» – «Окончательное собрание живых тварей» («Цзун циюу чжи цзи» ▪ 禽 ▪ 之极), представляла собой моления об увеличении поголовья диких (животные на которых охотились) и домашних животных. Учитывая то, насколько разнообразна тематика танцевальных частей, можно предположить, что каждая часть отличалась своей постановкой и сложностью исполнения. Понятно, что столь сложные танцевальные постановки требовали специально подготовленных танцоров и имели определенный сценарий.

Итак, сведения о древних танцах, сообщаемые в контексте мифологических представлений, свидетельствуют о том, что в Древнем Китае уже существовала достаточно развитая традиция танцевального искусства, представленная различными – ритуальными, «военными», танцами и даже многочисленными постановками. Эти сведения косвенно подтверждаются новейшими археологическими находками, которые убедительно свидетельствуют о том, что китайское танцевальное искусство возникло еще в доисторические времена, по меньшей мере, в середине эпохи неолита, длившейся, по современным данным, с IX по III тыс. до н.э.

Библиографический список

1. Древний танец Китая. – Пекин, 1991.
2. Кравцова, М.Е. История искусства Китая: учебное пособие. – СПб., 2004.
3. Кравцова, М.Е. Поэзия Древнего Китая. Опыт культурологического анализа. – СПб., 1994.
4. Вац, А.Б. – Происхождение и развитие танца // Энциклопедия: «Духовная Культура Китая». – М., 2010.
5. Ван, К. История развития китайского танца. – Шанхай, 2004.
6. Духовная культура Китая. – М., 2007.

Bibliography

1. Drevniy tanec Kitaya. – Pekin, 1991.
2. Kravcova, M.E. Istoriya iskusstva Kitaya: uchebnoe posobie. – SPb., 2004.
3. Kravcova, M.E. Poehziya Drevnego Kitaya. Opiht kul'turologicheskogo analiza. – SPb., 1994.
4. Vac, A.B. – Proiskhozhdenie i razvitie tanc // Ehnciklopediya: «Dukhovnaya Kul'tura Kitaya». – M., 2010.
5. Van, K. Istoriya razvitiya kitayskogo tanc. – Shankhay, 2004.
6. Dukhovnaya kul'tura Kitaya. – M., 2007.

Статья поступила в редакцию 10.05.11

УДК 008:7

Divakova N.A. POSSIBILITIES OF OCCURRENCE OF THE IS ART-ASSOCIATIVE SOUND LANDSCAPE OF CULTURE. In work the theoretical of the approach to the analysis of a sound landscape of culture from the point of view of its is art-associative component is presented. A national song, songs, melody are presented as sphere for fruitful contacts not only art forms, but also other possible kinds of creativity of the person. Sound characteristics of the phenomena appearing as a result essentially deepen understanding of cultural processes and artifacts.

Key words: songs, melody, musicality, an intoning, gesture, thinking, a cultural landscape, a sound landscape.

Н.А. Дивакова, доц. АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: natasha72_72@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-АССОЦИАТИВНОГО ЗВУКОВОГО ЛАНДШАФТА КУЛЬТУРЫ

В работе представлен оригинальный подход к анализу звукового ландшафта культуры с точки зрения его художественно-ассоциативной составляющей. Народная песня, песенность, мелодичность представлены как сфера для плодотворных контактов не только видов искусства, но и других возможных видов творчества человека. Появляющиеся в результате звуковые характеристики явлений культуры и искусства, в частности, существенно углубляют понимание культурных процессов и анализ артефактов.

Ключевые слова: песенность, мелодичность, музыкальность, интонирование, жест, мышление, культурный ландшафт, звуковой ландшафт.

Уровень культуры современного человека оценивается, на наш взгляд, по способности к многоуровневому прочтению явлений действительности, по способности владеть множеством языков культуры и свободно перемещаться в сложном коммуникационном пространстве современности. Использование навыков анализа различных уровней культуры безгранично расширяет смысловую базу культурных явлений и «уровень горизонта» человека.

С точки зрения В.Л. Каганского «видение культуры подразумевает ландшафт, видение ландшафта подразумевает культуру» [1]. Проблеме культурного ландшафта посвятили свои работы В.В. Докучаев, Д.В. Богданов, Ю.Г. Саушкин, Ф.Н. Мильков, А.Г. Исаченко, В.А. Николаев, Б.Б. Родоман, Ю.А. Веденин, выделив специфические аспекты в определении культурного ландшафта. Данная тема делает предпочтительной позицию В.Л. Каганского, который исходит из того, что культурный ландшафт – это одновременно земное и семантическое пространство, некий пространственный феномен [2].

Пространство, наполненное знаками, приводит к определению ассоциативного ландшафта. Основным критерий отнесения территориального комплекса к ассоциативному ландшафту – его историко-культурная самоценность и информативность на фоне естественной природной геодинамики. Дополнительные критерии – наличие свидетельств, напоминающих об историко-культурной значимости места в форме знаков-символов, материальных памятников, топонимов и преданий, то есть наличие семантических свидетельств в ландшафте [3, с. 202].

Т.А. Агапкина видит целесообразным выделять ландшафтообразующие составляющие: видимые, слышимые, виртуальные [4]. Вероятно, ассоциативный культурный ландшафт может возникать на основе синтеза видимых и слышимых явлений культуры (виртуальный аспект требует, на наш взгляд, отдельного исследования).

Е.Д. Андреева считает, что восприятие и воспроизведение звука не свободно от культурной наполненности, и поэтому он является одним из существенных компонентов, «окрашивающих», структурирующих и индивидуализирующих практически каждый культурный ландшафт. В то же время комплекс звуков (природных, привнесенных человеком и пр.), тесно связанный с конкретной территорией (природной, окультуренной или смешанного типа), образует внутренне структурированный, относительно целостный, индивидуальный «звуковой ландшафт». Являясь неотъемлемым компонен-

том любого культурного ландшафта, звуковой ландшафт, тем не менее, обладает некоей самостоятельностью, а вступая во взаимодействие с другими составляющими культурного ландшафта, он часто оказывается одной из основных культурных доминант. Характерные звучания маркируют территорию и подчас создают невидимую, но очень жесткую границу своего – чужого, возможного – невозможного, сакрального – профанного и т.д. В зависимости от типа культурного ландшафта, его географической, этнической, хозяйственной, природной и прочих составляющих возникает необходимость специального взгляда на то, что, где и как звучит (или может звучать) в его пределах [5].

С точки зрения Ф. Ницше величие культуры народа определяется, прежде всего, по музыкальной культуре, а точнее по характеристикам народной песни. «Её огромное, простирающееся на все народы и непрестанно увеличивающееся во всё новых и новых порожждениях распространение свидетельствует о том, сколь могущественно это двойственное художественное стремление природы, оставляющее в народной песне следы, аналогичные тем, которые подмечаются в музыке народа, увековечивающей его оргиастические волнения. Историческим путём может быть доказано, что каждая богатая народными песнями эпоха в то же время сильнейшим образом была волнута и дионисическими течениями» [6] (революции, бунты, кутежи, праздники), на которые необходимо всегда смотреть как на подпочву и предпосылку народной песни.

П.А. Вульфius развил эту мысль далее, он считал, что народная лирическая песня, хоть и является первичным жанром, тем не менее, очень зависима от внемузыкальных истоков [7]. Анализ этих зависимостей позволяет определить характер, быт, культуру народа.

Существует мнение, что песня, как музыкальный жанр, настолько многообразна, что совершенно невозможно определить ее характерные черты, очевидные, например, для марша, вальса или мазурки. Единый признак общности внутри жанра дает возможность проявления свойства этого жанра – «маршевости», «вальсообразности», «мазурочности» и т.д. в других музыкальных жанрах. Песня может обладать признаками многих, если не сказать всех, музыкальных жанров. Получается, что она не обладает своей индивидуальной чертой, кроме связи с литературным текстом. На наш взгляд, это совсем не так. Учитывая все богатство песенных традиций (народная песня, авторская, дворовая, профессиональная и т.д.), песня обладает одной единой характерной чертой.

Если обратиться к истокам, к происхождению термина «песня», то выясняется, что греческий корень слов «песня» и «мелодия» одинаков. Древние греки не видели разницы между песней и мелодией. В современном толковании этих терминов тоже есть «общий знаменатель». «Пение, напев, мелос, *мелодия* – коренные выразители собственного музыкального начала» [8, с. 335]. «Песня – это общее обозначение поэтического произведения, предназначенного для пения» [8, с. 420]. Связующим звеном приведенных высказываний является термин «пение» – сам процесс воспроизведения как песни, так и мелодии. На наш взгляд, у одного и того же процесса может быть одно название, либо несколько, практически, равных друг другу. А если песня тождественна мелодии, то мелодия может выступить в качестве характерного признака «песни» как жанра. Неоспорим тот факт, что любая (из всего разнообразия) песня, обладает мелодией. Значит, говоря о песенности, мы подразумеваем мелодичность и наоборот.

Параллели между музыкальной мелодией и линией скульптуры описаны В.В. Кандинским в работе «Точка и линия на плоскости». Данный подход к толкованию изобразительного искусства и архитектуры дает возможность обогатить семантическое пространство этого пласта культуры и получить его звуковые характеристики. Связи песни с поэзией и литературой очевидны, они неизбежно обогащают традиционное понимание «песенности» или «мелодичности» и становятся элементами звукового ландшафта любой культуры.

Специфика понимания музыкальной мелодии А. Шопенгауэром позволяет выделить несколько иной аспект в определении «мелодичности». В мелодии, в главном высоком голосе, который поет, ведет все целое и в нестесняемом произволе развивается от начала до конца в непрерывной, многозначительной связи единой мысли и изображает целое, – в этом голосе я узнаю высшую ступень объективации воли, осмысленную жизнь и стремление человека. Подобно тому как только человек, будучи одарен разумом, постоянно смотрит вперед и оглядывается назад, на путь своей действительности и своих бесчисленных возможностей, и таким образом осуществляет осмысленный и оттого цельный жизненный путь, – так, в соответствии с этим, только мелодия обладает от начала до конца осмысленной и целесообразной связностью. Подобно тому как сущность человека состоит в том, что его воля стремится, удовлетворяется и снова стремится, и так непрерывно, как счастье и благополучие его заключается лишь в том, чтобы этот переход от желания к удовлетворению и от него к новому желанию совершался быстро, так, в соответствии с этим, сущность мелодии есть постоянное отклонение от тоники, переход тысячами путей не только к гармоническим ступеням – терции и доминанте, но и к всевозможным другим тонам, к диссонансирующей септимере и к ступеням, образующим чрезмерные интервалы, причем, в конце концов, всегда происходит возвращение к тонике. На всех этих путях мелодия выражает многообразное стремление воли, но выражает и ее удовлетворение – посредством конечного обретения гармонической ступени и, более того, тоники. Как быстрый переход от желания к удовлетворению и от него к новому желанию есть счастье и благополучие, так и быстрые мелодии, без значительных отклонений, веселы; медленные же, впадающие в мучительные диссонансы и лишь через множество тактов вновь достигающие тоники, – такие мелодии грустны, составляя аналогию задержанному, затрудненному удовлетворению [9]. Сама природа человека, его присутствие, видимое или невидимое, вызывает осознание, слышание его мелодичности, песенности, тем самым повышая значимость и существенно расширяя границы проявления роли песни в культуре человека.

В художественной культуре, помимо линейных и тематических аналогий, любая мелодия приобретает портретные характеристики, раскрывающие образ человека, его психологии, характера, культуры и, наоборот, портретная, сюжетно-

тематическая живопись, литература содержит изображение неслышимых мелодий, песен. По мнению Ф.В.Й. Шеллинга образ человека – это микрокосмос, отражающий, в свою очередь, свойства макрокосмоса, наполненного слышимыми и неслышимыми звуками. Получается, что любая мелодия отражает звучание всеобщего космоса. Подобную мысль высказывает и Ф. Ницше: «Народная песня имеет значение музыкального зеркала мира, первоначальной мелодии, ищущей себе параллельного явления в грезе и выражающей эту последнюю в поэзии. Мелодия, таким образом, есть первое и общее, отчего она и может испытать несколько объективаций, в нескольких текстах. Она и представляется в наивной оценке народа без всяких сравнений более важной и необходимой стороной дела» [10, с. 104].

Являясь всеобщим языком, язык музыки не вполне адекватен любому из языков. «Мировую символику музыки никоим образом не передашь в слове во всей полноте, т.к. она связана с исконным противоречием Первоединого и тем самым символизирует сферу, стоящую превыше всех явлений и предшествующую всякому явлению. Слово, образ, понятие ищет некоторого выражения, аналогичного музыке, и само испытывает теперь на себе её могущество» [11, с. 113].

Помимо языковых связей музыки и других языковых систем, существует более глубинное явление, осуществляющее связи музыки с любыми другими видами деятельности. Б.В. Асафьев усматривал зерно художественного синтеза в понятии интонирования. «Творческие замыслы художника становятся ясностью для общественного сознания через проявление интонации...» [12, с. 336].

Интонация не язык, она не создает своих структур, «она континуальна» [13, с. 84], и эти ее свойства снимают барьер между речевой интонацией и музыкальной речью (не случайно отмечено, что в стихотворной речи «интонация приобретает мелодию» [14, с. 8]. К настоящему времени установлено около полутора десятков параметров, по которым может быть охарактеризована интонация [15]. Естественно, что в музыке возможности интонации многократно умножаются и обогащаются и становятся источником бесконечно более разнообразных форм выражения [16].

В широком смысле интонация – это и текучесть форм, их сопряжений, непрерывность развертывания художественной мысли. Развертывание мысли с её непрерывным качественным изменением и обогащением – всеобщее свойство мышления в художественных образах. Эта непрерывность сознания откристаллизовывалась в речи как природной форме выражения человеческой мысли, а с нею и в музыке как самостоятельном типе творческого сознания. Б.В. Асафьев полагал интонацию (как тонус, напряжение, направленность мысли) существенным свойством искусства.

Ценность обобщений, сделанных Б.В. Асафьевым для понимания интеграционных процессов в искусстве и культуре, состоит в том, что он выявил музыкальную интонацию и интонирование как категории, связанные закономерностями всякого человеческого интонирования как существенного проявления мысли. Музыкальное интонирование – не только своеобразная модель художественного интонирования в более широком смысле, но и хорошая основа для творческих контактов различных искусств. Б.В. Асафьев считал, что «музыкальность», в виде интонирования, свойственна не только всем видам искусства, но и всем видам творчества человека в целом.

Есть все основания считать, что музыкальное-интонационное мышление работает в первую очередь с отношениями звуков, возникающих в момент интонирования, что именно отношения являются теми операндами, которые музыкальная мысль выстраивает в упорядоченный текст. Важны не звуки, а то, что находится между ними, та психическая энергия, приводящая их в движение. Но психическая энергия приводит в движение не сами звуки, а те отношения, интона-

ции, которые определены грамматиками и которые при этом видоизменяются под влиянием контекста. Отношения не только делают возможным само существование звуковой идеи, но сообщают ей смысл. Для интерпретации такого, глубоко музыкального смысла в человеке существует определенный механизм, либо врожденный, либо сформированный самой музыкой, ею воспитанный. Для того чтобы понимать музыку, надо обладать музыкальным мышлением, т.е. устройством, способным и структурировать звукоявления и расшифровывать их значения. Ю. Лотман был фактически первым, кто сказал, что музыке свойственна реляционная семантика, т.е. семантика отношений. К этой мысли на рубеже 1930-х годов довольно близко подходил Б.В. Асафьев, находившийся тогда под впечатлением изложенной Э. Кассирером теории относительности А. Эйнштейна, которая позволила Б.В. Асафьеву взглянуть на музыку с новой точки зрения. Где-то близко находились и развиваемые им суждения об изменчивости «звучащего вещества». В это время возник своего рода «интеллектуальный котёл», в котором под воздействием науки формировались новые идеи. К ним был близок Б. Яворский, еще раньше выдвинувший в своем «Строении музыкальной речи» понятие интонации, подхваченное потом Б.В. Асафьевым и развитое им [17].

Связь звука и просвечивающей сквозь него реальности находится в основе семантики музыкальной ткани, где, как об этом пишет Е. Назайкинский, «интонация остается выразительной, художественной, осмысленной лишь до тех пор, пока она является одновременно и музыкальной и внемузыкальной...» [18, с. 161]. К внемузыкальной информации может относиться многое: зрительные образы, ощущения, слова, понятия, воспоминания и т.д. Что касается жеста, мимики, пластики движений, включая «язык» рук – всего того, что Б.В. Асафьев назвал «немой интонацией» [19, с. 211], – то взаимосвязь этих проявлений с музыкальной интонацией так же естественна и прочна, как и с речевой. «Звук, в сущности, тоже не что иное, как жест, связанный с каким-то звуковым тоном» [20, с. 384]. Так же как интонация речевая, жест, характер жеста не только указывают на что-то конкретное в окружающей среде, но и сами несут определенный смысл, выявляя отношение к показанному. Если же жесты отделить от звуковой интонации, то они становятся главным средством сообщения. Естественно, что «сообщение теряет при этом яркое предметное содержание. В нем остается лишь более или менее обобщенное отражение законов логики и эмоций – выражение отношения к чему-то» [21, с. 302].

Любое отношение, любая эмоция, которые передаются жестом и интонацией – это не только характеристика объектов окружающего мира, но прежде всего – содержание душевной жизни, духовного мира человека, основного объекта отражения во всяком произведении искусства. «Интенсивность переживания заставляет мысль облечься словом... Волнующее слово выливается интонацией. Интонация ширится в музыку и жест», – писал С. Эйзенштейн, и еще: «Легко бывает жестом изобразить интонацию, как и самое движение музыки, в основе которой, в равной мере, лежит голосовая интонация, жесты и движение создающего ее человека» [22, с. 242].

П. Флоренский создал целую концепцию понимания жеста в искусстве, которая актуализирует теснейшие связи между понятием интонирования и изобразительными искусствами. Жест, по мнению П. Флоренского, «образует пространство, вызывая в нем натяжение и тем искривляя его. Но это незримое и недоступное чувственному опыту искривление пространства стало заметным для нас, когда проявило себя силовым полем, полагающим, в свой черед, жест» [23, с. 120].

Знаками подобного искривления пространства являются наглядные образы, которыми располагает художественное произведение, или те приспособления, которые строит техник, или те мысленные модели, которые воспроизводит словом ученый. По мысли философа, «деятель культуры ставит меже-

вые столбы, проводит рубежи и, наконец, вычерчивает кратчайшие пути в этом пространстве, чтобы организация пространства дошла до нашего сознания» [23, с. 128]. Таким образом, жест – немое интонирование – становится композиционным средством любого вида искусства и культурного ландшафта, как «семантического пространства».

Более того, П. Флоренский утверждает, что существует единство знаков искривления художественных пространств. «В музыке – характеристиками емкости соответственных пространств служат с разными оттенками темпы, ритмы, акценты, метры, как имеющие дело с длительностями, затем – мелодия, пользующаяся высотой, гармония и оркестровка, насыщающие пространство элементами сосуществующими и т.д. В поэзии такими средствами опять служат те же метры и ритмы, мелодия и инструментовка, а также образы зрительные, осязательные и другие, вызываемые посредственно. В искусствах изобразительных одни из перечисленных элементов, как-то: метр, ритм и темп – даются непосредственно, хотя и не столь явно, как в музыке и поэзии, другие, как мелодия, вызываются посредством линии, а третьи – напротив, выступают непосредственно и с особою явною: зрительные и осязательные образы, цвета, симметрия и т.д. Несмотря на коренные, по видимому, различия, все искусства произрастают от одного корня, и стоит начать вглядываться в них, как единство выступает все более и более убедительно. Это единство есть организация пространства, достигаемая в значительной мере приемами однородными» [23, с. 215], содержащимися в процессе интонирования. Подобное утверждение позволяет сделать вывод об универсальности интонационного подхода к анализу культурных явлений и провести параллели с теоретическими выводами В.В. Кандинского.

П. Флоренский считает, что графика, в своей предельной чистоте, есть система жестов воздействия, и она закрепляется тем или иным способом. Если в руке карандаш, то жест записывается карандашной линией, если – штихель, то вырезается, если игла – то выцарапывается. Но, каков бы ни был способ записи жеста, суть в одном – в линейности. Рассуждая об интонационных жестах, мы вернулись к пониманию мелодичности и песенности, с точки зрения их разнообразной линейности.

Как только в произведении графики появляются точки, пятна, залитые краской поверхности, так это произведение уже, по мнению философа, изменило графической активности подхода к миру, т.е. допустило в себя живописные элементы. Зернистость, точечность, пятнистость, по мнению П. Флоренского, являются свойствами живописи. Мазок, пятно, залитая поверхность превращаются из символа действий, в некоторые данности. Отдельные моменты такого пассивного восприятия мира воспроизводятся жестами другого характера – касаниями, прикосновениями. Это пассивное пространство строится осязанием, которое предполагает наименьшее возможное вмешательство во внешний мир, при наибольшем возможном проявлении им себя [23].

Линия в графике есть знак некоторой деятельности, осязаемое пятно не является таким знаком, а само дает результат, собранный от мира. Подобно можно рассмотреть скульптуру и пластику: скульптура есть графика, а пластика – живопись. Более того, связи видов искусства через жест гораздо крепче и глубже чем кажется на первый взгляд, имея ввиду двойственность пассивности и активности в отношении к миру. «Осязание и движение, ведет, к коренной двойственности исходных элементов изобразительного искусства: точка и линия несводимы друг на друга и друг из друга невыводимы, но вместе с тем не существуют в полном обособлении друг от друга – это элементы, сопряженные между собою. На плоскости прямая линия и точка, со стороны формальных соотношений, ведут себя вполне симметрично и вполне заменяют друг друга. Каждый из этих элементов, в единичном числе, точно

устанавливается или дается двумя элементами другого рода» [23, с. 251].

В трехмерном пространстве, по мысли П. Флоренского, слово «прямая линия» должно быть заменено словом «плоскость», а производная от «прямая» или «сторона» – соответственными производными от «плоскость» или «грань». Что же касается прямой линии, то она признается вторичным образованием и определяется либо соединением двух точек, либо пересечением двух плоскостей. Принцип двойственности может быть основой для понимания концепции жеста П. Флоренского в архитектуре, театре, дизайне, градостроительстве, парковом искусстве и т.д. Таким образом, семантика трехмерного пространства вполне может получить интонационно-звуковые характеристики и стать составляющей звукового ландшафта той или иной культуры.

Ю.М. Лотман, со ссылкой на античную традицию писал: «Музы ходят хоромом. При том, у каждой из муз было имя, свой образ, инструменты и ремесло, греки неизменно видели в искусстве именно хором, ансамбль различных, но взаимно необходимых видов художественной деятельности» [24]. Этим Ю.М. Лотман подчеркивал, что любой вид художественной деятельности надо рассматривать не изолированно, но видеть в нем потребность выразить внутренние переживания одновременно, с разных точек зрения. Изучение взаимосвязей между соседствующими выразительными рядами помогает вникнуть в суть художественного сообщения, в художественную тайну, которая скрывается за любым текстом культуры. Музыкальные характеристики этих текстов могут оказаться чрезвычайно полезными для их глубинного понимания, т.к. музыке, как и философии, подвластно отражать наиболее целостные и обобщенные явления жизни человека.

Библиографический список

1. Каганский, В.Л. Культура в ландшафте и ландшафт в культуре // Наука о культуре, итоги и перспективы: информационно-аналитический сборник. – М. – 1995. – Вып. 3.
2. Каганский, В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
3. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
4. Агапкина, Т.А. Вещь, образ, символ: колокол и колокольный звон в традиционной культуре славян // Мир звучащий и молчащий. Семiotика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999.
5. Андреева, Е.Д. Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема // Экология культуры. – М., 2000.
6. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки. – СПб.: Азбука-классика, 2007.
7. Вульфius, П.А. Статьи. Воспоминания. Публицистика. – Л., 1980.
8. Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. – М.: Московский клуб, 1992.
10. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки: в 2 т. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – Т. 1.
11. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки: в 2 т. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – Т. 2.
12. Асафьев, Б.В. Музыкальная форма как процесс. – Л., 1971.
13. Арановский, М.Г. Интонация, отношение, процесс // Советская музыка. – 1980. – № 12.
14. Ковтунова, И.И. Поэтический синтаксис. – М., 1986.
15. Торсуева, И.Г. Интонация и смысл высказывания. – М., URSS, 2009.
16. Бонфельд, М.Ш. Семантика музыкальной речи // Музыка как форма интеллектуальной деятельности / ред.-сост. М.Г. Арановский. – М.: Либроком, 2009.
17. Арановский, М.Г. Музыка и мышление // Музыка как форма интеллектуальной деятельности / ред.-сост. М.Г. Арановский. – М.: Либроком, 2009.
18. Назайкинский, Е. Звуковой мир музыки. – М., 1988.
19. Асафьев, Б.В. Музыкальная форма как процесс. – Л., 1971.
20. Хаузеггер, Ф. Фон Музыка как выражение // Музыкальная эстетика Германии XIX века. – М., 1982. – Т. 2.
21. Назайкинский, Е. О психологии музыкального восприятия. – М., 1972.
22. Эйзенштейн, С. Избр. Произв.: в 6 т. – М., 1964. – Т. 2.
23. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях: исследования по теории искусства // П.А. Флоренский, священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М.: Мысль, 2000.
24. Лотман, Ю.М. Избранные статьи. – Таллин, 1993. – Т. 3.

Bibliography

1. Kaganskiy, V.L. Kuljtura v landshafte i landshaft v kuljture // Nauka o kuljture, itogi i perspektivih: informacii-onno-analiticheskiy sbornik. – M. – 1995. – Vihp. 3.
2. Kaganskiy, V. L. Kuljturniy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: sbornik statey. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
3. Kuljturniy landshaft kak objekt naslediya / pod red. Yu.A. Vedenina, M.E. Kuleshovoy. – M.: Institut Naslediya; SPb.: Dmitriy Bulanin, 2004.
4. Agapkina, T.A. Veshj, obraz, simvol: kolokol i kolokolniiy zvon v tradicionnoy kuljture slavyan // Mir zvuchathiy i molchathiy. Semiotika zvuka i rechi v tradicionnoy kuljture slavyan. – M., 1999.
5. Andreeva, E.D. Zvukovoy landshaft kak realniiy objekt i issledovatel'skaya problema // Ehkologiya kuljturih. – M., 2000.
6. Nicshe, F. Rozhdenie tragedii iz dukha muzihki. – SPb.: Azbuka-klassika, 2007.
7. Vuljfius, P.A. Statji. Vospominaniya. Publicistika. – L., 1980.
8. Muzikalniiy ehnciklopedicheskiy slovarj / gl. red. G.V. Keldish. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1990.
9. Shopengauher, A. Mir kak volya i predstavlenie. – M.: Moskovskiy klub, 1992.
10. Nicshe, F. Rozhdenie tragedii iz dukha muzihki: v 2 t. – SPb.: Azbuka-klassika, 2007. – T. 1.
11. Nicshe, F. Rozhdenie tragedii iz dukha muzihki: v 2 t. – SPb.: Azbuka-klassika, 2007. – T. 2.
12. Asafjev, B.V. Muzikal'naya forma kak process. – L., 1971.
13. Aranovskiy, M.G. Intonaciya, otnoshenie, process // Sovetskaya muzihka. – 1980. – № 12.
14. Kovtunova, I.I. Poeticheskij sintaksis. – M., 1986.
15. Torsueva, I.G. Intonaciya i smysl vihskazivaniya. – M., URSS, 2009.
16. Bonfel'd, M.Sh. Semantika muzikal'noy rechi // Muzihka kak forma intellektual'noy deyatel'nosti / red.-sost. M.G. Aranovskiy. – M.: Librokom, 2009.
17. Aranovskiy, M.G. Muzihka i mihslenie // Muzihka kak forma intellektual'noy deyatel'nosti / red.-sost. M.G. Aranovskiy. – M.: Librokom, 2009.

18. Nazayjinskiy, E. Zvukovoy mir muziki. – M., 1988.
 19. Asafjev, B.V. Muzikal'naya forma kak process. – L., 1971.
 20. Khauzegger, F. Fon Muzhka kak vzhazhenie // Muzhkal'na ehstetika Germanii XIX veka. – M., 1982. – T. 2.
 21. Nazayjinskiy, E. O psikhologii muzhkal'nogo vospriyatiya. – M., 1972.
 22. Ehyzhenshteyn, S. Izbr. Proizv.: v 6 t. – M., 1964. – T. 2.
 23. Florenskiy, P.A. Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh: issledovaniya po teorii iskusstva // P.A. Florenskiy, svyathennik. Stat'ji i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkheo-logii. – M.: Mihsli, 2000.
 24. Lotman, Yu.M. Izbranniye stat'ji. – Tallin, 1993. – T. 3.
- Статья поступила в редакцию 07.04.11

УДК 008.009:39

Oreshkova Y.A. **MYTH AS CULTURPHILOSOPHICAL PHENOMENON: ANALYSIS OF MAJOR RESEARCH AREAS.** In this article the author analyzes the main trends in the theory of myth. With regard to the modern reality discusses the mythological consciousness in the context of sociocultural neotraditsionalizm.

Key words: myth, theory of myth, mythological consciousness, values, neotraditsionalizm.

Ю.А. Оreshkova, асп. ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: oreshkova81@mail.ru

МИФ КАК КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ ФЕНОМЕН: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье автор проводит анализ основных направлений в области теории мифа. В отношении современной действительности рассматривается вопрос мифологического сознания в контексте социокультурного неотрадиционализма.

Ключевые слова: миф, теории мифа, мифологическое сознание, ценности, неотрадиционализм.

Вопрос о сущности мифа – фундаментальная проблема философии и теории культуры. Библиография мифа насчитывает сотни тысяч публикаций, однако до сих пор природа мифологического остается проблемой, обсуждаемой на самом высоком уровне теоретического обобщения. В эпоху постмодернизма вновь обнаружилось, что мифология всепроникающая: нет ни одной области общественной, социальной, культурной, научной и бытовой жизни, где бы не присутствовал миф.

На фоне усиливающейся кросскультурной глобализации все четче проявляется тенденция сообществ различного уровня, в том числе этносов, к сохранению своей уникальности. В таком аспекте мифоосмысление особенно актуально, поскольку миф, наряду с другими культурными формами, играет основополагающую роль в формировании процесса этнической идентификации.

Миф как сложное культурное образование исследовался во все эпохи почти во всех направлениях гуманитарного знания, методология мифа включает в себя огромный арсенал познавательных стратегий и парадигм, зачастую стоящих в прямой оппозиции друг к другу. В целом, эволюция исследований шла от понимания данного феномена как дорефлексивного, иррационального и неадекватного способа истолкования мира первобытным человеком до признания его рациональности и логичности.

Первые попытки рационального анализа мифа стали предприниматься еще в античности. Осмысление греческих мифов легло в основу всех последующих дискуссий в понимании мифологического мышления. Однако до начала XX века в истории культуры доминировало представление о мифе, как особом типе мировоззрения, присущем преимущественно архаическим культурам. Миф рассматривался как продукт человеческого воображения на начальных стадиях эволюции культуры.

Особый вклад в осмысление феномена мифа в XX в. внесли мыслители, рассматривающие его как проявление бессознательного: К.Г. Юнг с его «коллективным бессознательным» [1], Л. Леви-Брюль – с «коллективными представлениями» [2]. Для них художник является инструментом для извлечения неизменных сущностей – архетипов или «первичных образов». Подобный взгляд близок теории З. Фрейда [3], но, в от-

личие от последнего, Юнг не сводит символы к симптомам подавленных инстинктов и желаний.

Для целостного представления о формировании современного определения мифа как социокультурного феномена рассмотрим ключевые моменты наиболее авторитетных теорий его исследования.

В традиционном понимании миф – это предание, возникающее на ранних этапах повествования, в котором явления природы или культуры предстают в одухотворенной и олицетворенной форме. В такой интерпретации миф рассматривали: В.Я. Пропп, О.М. Фрейдберг, М.М. Бахтин, Е.М. Мелетинский и др. Генетически этот подход восходит к английской антропологической школе исследования мифа, основными представителями которой являются Э. Тейлор, Э. Ленг и Г. Спенсер. Миф, согласно *эволюционистскому* толкованию, имеет значение только в условиях первобытных, дописьменных культур как первая попытка объяснения явлений и процессов природного и социального характера.

На базе такого толкования возникает так называемая *ритуалистическая* теория мифа. Ее представители, этнографы Дж. Фрезер, Дж. Харрисон, У. Робертсон-Смит, рассматривают миф как процесс творения, мифотворчество. Причем миф в такой интерпретации является значимым лишь в его связи с обрядом. Согласно Дж. Фрезеру, миф теряет всякую функциональную значимость вне связи с ритуалом [4].

В символической теории немецкого философа Э. Кассирера миф также воспринимается как процесс. Однако, рассматривая мифологию как автономную символическую форму культуры, он считает мифотворчество «ведущим проявлением духовной деятельности людей» [5, с. 195]. При этом миф выступает как замкнутая символическая система, содержащая глобальную оппозицию профанного и сакрального, то есть явленного и сущностного, доступного лишь в мистической интуиции. Любой мифологический символ указывает нам на то несказанное, что стоит за ним и в то же время включается в него. У М. Элиаде большую роль в понимании мифотворчества играет понятие «архетип» как некий образец мышления, через воспроизведение которого возможно целенаправленное осмысленное действие.

Кроме того, миф был предметом анализа еще ряда научных направлений. В рамках *функционализма* английский ан-

трополог Б. Малиновский рассматривал миф не просто как повествование, имеющее аллегорическое значение, а своего рода «священное писание» или как действительность, влияющую на судьбы мира и людей [6].

Истории развития теоретического осмысления мифа известна также и *романтическая* трактовка, подготовленная Г. Гейне, К.Ф. Морицем, Б. Шлегелем и др., но получившая свое завершение у Ф. В. Шеллинга. Согласно такому пониманию, миф выступает как эстетический феномен и прототип художественного творчества. «Миф есть необходимое условие, и первичный материал для всякого искусства», – писал Шеллинг [7, с. 105].

Наиболее популярным среди исследователей во второй половине XX века становится восприятие мифа как разновидности исторически и культурно-обусловленного сознания. Такое толкование, возникшее в результате процесса «ремифологизации», стало возможным в рамках философского направления *структурализм*. Его основоположником является французский антрополог К. Леви-Стросс. В дальнейшем эти взгляды получили развитие в работах Ж. Лакана, М. Фуко, М. Мерло-Понти и др. Миф по Леви-Строссу является «универсальным средством снятия противоречий типа: жизнь – смерть, сырое – вареное, дикое – домашнее», примирения дуальных оппозиций [8]. В таких условиях мифологические персонажи зачастую предстают перед нами как обладающие целым набором совершенно несовместимых свойств и признаков. Благодаря такой концепции миф становится одной из важнейших культурных категорий XX – XXI вв.

В рамках такой теории возникает огромное количество современных концепций, авторами которых являются А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский, Н.С. Булгаков, В.М. Найдыш, К. Армстронг и др. Общим в их взглядах является надприродный, исторический характер мифа, так как собственная природа вещей растворяется в мифе, он социален. В современной науке такие взгляды становятся возможными в рамках трансисторической трактовки мифа. Следует отметить, что в таком понимании мифотворчество представляется как процесс создания мифов, без ограничения временными рамками.

В целом, при культурфилософском исследовании, при всем многообразии концептуальных подходов, миф предстает, во-первых, как объективный факт, реальный феномен этнокультуры, более того, как феномен ранней истории сообществ, связанный с процессом генезиса. В такой парадигме феномен мифа реализуется и как «древнее предание, рассказ», и в значении «мифотворчество, мифологический космогенез». Во-вторых, под «мифом» подразумевается компонент сознания, который репрезентирует сознание в целом, поскольку «миф пронизывает все истории сознания» [9, с. 280]. В этом смысле исследование мифологического сознания является особенно перспективным направлением при анализе его функционирования как социокультурного феномена во времени и пространстве.

В условиях мультикультурализма как всего человечества, так и его локальных сообществ (например, этносов), феномен традиционного мифологического сознания актуализируется в условиях социокультурного неотрадиционализма. Согласно С.А. Мадюковой, под «неотрадиционализмом» следует понимать «актуализацию в современной культуре разрозненных элементов исторических традиций, многократно реинтерпретированных и подвергшихся вторичной семантизации. Иными словами, социокультурный неотрадиционализм – это попытка вернуть этнические традиции в новых условиях: «перформанс прошлого и настоящего по большей мере осознается как игра, как фантасмагорическая возможность сыграть историю заново,

изменить настоящее, внося в него предметы прошлого и тени их прошлых смыслов» [10, с. 32].

Мифологическое сознание, являясь частью общественного сознания, пронизывает все мировоззренческие позиции и устои не только традиционного, но и современного общества. М. Элиаде утверждал, что традиция в виде мифологических, архетипических установок продолжает во многом обуславливать культурные стереотипы современного общества [11]. Соответственно, явление неотрадиционализма, находясь в оппозиции к традиционализму, является сугубо современным концептом. Однако фундаментом социокультурного неотрадиционализма как общественного феномена выступает традиционная культура, которая является, прежде всего, системой традиционных культурных ценностей и обрядовых практик.

Республика Хакасия в этом смысле повторяет российскую действительность. Для носителей хакасской культуры, как, впрочем, и для представителей других этносов, базовым в сознании являются ценности. На протяжении своего исторического развития аксиосистема хакасов в своих попытках актуализироваться в новых социокультурных условиях подвергается значительной трансформации. Однако мифологическое сознание как наиболее древняя система ценностей в современной культуре имеет рудиментарное значение. В ценностях мифа чувственное и рациональное даны синкретно, слитно, что малодоступно другим средствам культуры XX века. На наш взгляд, осмысление традиционных духовных ценностей и их включение в новые условия является одним из путей выхода из кризисного состояния этнического аспекта современного этапа социокультурного развития регионов России.

В таком контексте явление неотрадиционализма имеет четко выраженную положительную направленность. Этнос – это такая социальная общность, которая стремится сохранить свою целостность во времени и в пространстве. Мифологическое сознание этноса, которое традиционно по определению, в условиях неотрадиционализма становится, с одной стороны, некой основой мирозерцания и мироощущения, с другой стороны, ответом на вызов современности в его попытках внести социальную упорядоченность. Миф и в прошлом и сейчас стремится к обретению целостности во времени и в пространстве. Следовательно, миф как социокультурный феномен становится важным фактором, маркером идентификации этноса и каждой отдельной личности, поскольку целостность – это базовая характеристика формирования процесса самосознания. Именно в этом заключается, по нашему мнению, важная функциональная значимость мифа в значении исторически и культурно обусловленного сознания.

Таким образом, феномен мифа можно рассматривать в контексте разных областей гуманитарного знания. Однако считаем, что его рассмотрение в области культурфилософских проблем этнического возрождения особенно необходимо, перспективно и является фактом положительной социальной динамики. Современные теоретики мифологического знания указывают на то, что «миф – это жизненное пространство и условие существования любой культуры, он – горизонт сознания и существования» [12, с. 7]. Миф в контексте явления неотрадиционализма становится одним из базовых составляющих элементов в тенденции этносов сохранить целостность, собственную уникальность, мировоззренческую модель мира. Социокультурный неотрадиционализм подразумевает трансформацию мифологического сознания. Результатом же любых изменений сознания становится поиск своего «Я», самоидентификация. Следовательно, любая этническая общность посредством многих факторов, среди которых миф занимает важное место, пытается определить «свой», не похожий на «чужой» этнос.

Библиографический список

1. Юнг, К. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. – М.: Совершенство, 1997.
2. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994.

3. Фрейд, З. Психология бессознательного. – СПб.: Питер, 2002.
4. Фрезер, Дж. Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1980.
5. Кассирер, Э. Понятийная форма в мифическом мышлении. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998.
6. Малиновский, Б. Магия. Наука. Религия / пер. с англ. – М.: Рефл-бук, 1998.
7. Шеллинг, Ф.В. Философия искусства. – СПб.: Алетейя, 1996.
8. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994.
9. Борхес, Х.Л. Проза разных лет: сборник. – М.: Радуга, 1989.
10. Мадюкова, С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири): дис. ... канд. филос. наук: – Новосибирск, 2008.
11. Элиаде, М. Аспекты мифа. – М.: Академический Проект, 2001.
12. Осаченко, Ю.С. Введение в философию мифа / Ю.С. Осаченко, Л.В. Дмитриева. – М.: Интерпракс, 1994.

Bibliography

1. Yung, K. Dusha i mif: shestj arkhjetipov / per. s angl. – M.: Sovershenstvo, 1997.
 2. Levi-Bryulj, L. Sverkhjhestvennoe v pervobihtnom mihslenii. – M.: Pedagogika-Press, 1994.
 3. Freyjd, Z. Psikhologiya bessoznatel'nogo. – SPb.: Piter, 2002.
 4. Frezer, Dzh. Issledovanie magii i religii. – M.: Politizdat, 1980.
 5. Kassirer, Eh. Ponyatiynaya forma v mificheskom mihslenii. Izbrannoe. Opiht o cheloveke. – M.: Gardariki, 1998.
 6. Malinovskiy, B. Magiya. Nauka. Religiya / per. s angl. – M.: Refl-buk, 1998.
 7. Shelling, F.V. Filosofiya iskusstva. – SPb.: Aletejya, 1996.
 8. Levi-Stross, K. Pervobihtnoe mihslenie. – M.: Respublika, 1994.
 9. Borkhes, Kh.L. Proza raznikh let: sbornik. – M.: Raduga, 1989.
 10. Madyukova, S.A. Sociokul'turniy neotradicionalizm v obryadakh zhiznennogo cikla (na primere zhenthin tyurkskikh ehntosov Yuzhnoy Sibi-ri): dis. ... kand. filos. nauk: – Novosibirsk, 2008.
 11. Ehliade, M. Aspektih mifa. – M.: Akademicheskij Proekt, 2001.
 12. Osachenko, Yu.S. Vvedenie v filosofiyu mifa / Yu.S. Osachenko, L.V. Dmitrieva. – M.: Interpraks, 1994.
- Статья поступила в редакцию 10.05.11*

УДК008.009:3

Minsitova M.V. TRANSFORMATIONS OF PARAPHERNALIA ASSOCIATED WITH CHILDHOOD IN MODERN SOCIETY. In the work changes of children's culture in modern society are described. These changes lead to gradual disappearance of borders between the world of children and the world of adults and it influences not only the development of an individual but the culture of the whole society.

Key words: childhood, children's culture, symbols of childhood, paraphernalia associated with childhood, prefigurative culture, age borders, nursery folklore, children's games, toys.

М.В. Минситова, асп. АлмГУ, г. Барнаул, E-mail: odnaosoba@yandex.ru

МЕТАМОРФОЗЫ АТРИБУТИКИ ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В работе описаны изменения, которые происходят в культуре детства в современном обществе. Эти изменения приводят к постепенному исчезновению границ между миром детей и миром взрослых инегативно сказываются не только на развитии отдельных индивидов, но и на культуре в целом.

Ключевые слова: детство, культура детства, символы детства, атрибутика детства, префигуративная культура, возрастные границы, детский фольклор, детские игры, игрушки.

В современном обществе резко возрастает актуальность исследования различных проблем детства. Это связано четким осознанием его роли в существовании и воспроизводстве социума и природы человека и на содержательном, и функциональном уровнях. Продолжает увеличиваться поток исследований в этой сфере – от культурно-исторической психологии развития, этнографии детства и истории детства – к социологии детства, экологической психологии развития ребенка, социально-генетической психологии, социальной психологии детства, экологии детства и даже виртуальной психологии детства.

Феномен детства неотделим от истории самого человеческого общества и становления его социального самосознания. Мир детства является важнейшим компонентом, лежащим в основе культуры любого народа. Он представляет собой не только стадии развития человека, но прежде всего, сложный культурно-исторический феномен, что обуславливает необходимость изучения детства как самобытной целостности. Особенности процессов, происходящих в детстве, имеют фундаментальное значение для воспроизводства культуры. Ведь жизнестойкость каждой национальной культуры зависит от непрерывного процесса передачи ее стержневых принци-

пов из поколения в поколение. В случае нарушения передачи ценностных ориентаций культуры, отсутствия преемственности происходит разрушение культурного организма, и процессы, происходящие в детстве, имеют фундаментальное значение для воспроизводства культур.

Феномен детства далеко не универсален и варьируется в зависимости от культурных традиций общества. Ребенок, родившись, уже является социальным существом, его изначально окружает мир той культуры, того общества, полноправным членом которого ему предстоит стать. Правильное понимание образа детства и механизмов социализации может найти применение не только в изучении социокультурных традиций прошлого, но и для моделирования будущего.

Революционные изменения, характерные для современного общества, приводят к существенным противоречиям с тысячелетиями складывавшимися навыками общежития и труда, с психологическими, познавательными и культурными установками людей, что не может не отразиться на детстве. Традиционное общество в этом плане было непротиворечивым. В современном же обществе одновременное функционирование множества культур ведет к возникновению и нарастанию противоречий между ними.

Если для традиционного общества характерна четкая периодизация жизненных циклов с указанием длительности и задач каждого этапа, то сейчас возрастные границы детства от 0 до 18, узаконенные Конвенцией ООН о правах ребенка и Федеральным законом «Об основных гарантиях по защите прав ребенка» в общественном сознании подвергаются сомнению. Сегодня можно говорить о возникновении новых социальных практик, связанных с признанием ребенка с момента зачатия. Для нас уже стали привычными специальные программы для детей в период внутриутробного развития или родительские школы, обучающие общаться и воспитывать еще не родившегося ребенка.

Верхнюю границу детства определить еще сложнее. В современном обществе исчезли не только возрастные инициации, которые четко проводили границу между детством и взрослостью, но и те «гесты на зрелость», которые можно было выделить в совсем недавнем прошлом, а именно окончание образования, создание собственной семьи, уход из дома и финансовая независимость. Они также перестают быть атрибутами какого-то определенного возрастного периода. Некоторые современные дети, например, сами зарабатывают деньги, в то время как многим людям старше 18 лет продолжают финансово помогать родители.

Организация повседневной жизни младенцев и грудных детей, а также обычаи и приметы, связанные с полом и развитием новорожденного ребенка, в большинстве своем остаются неизменными. Что касается более старшего возраста ребенка, то в сопровождающей его атрибутике происходят значительные изменения по сравнению с периодом предшествующих десятилетий. В настоящее время из нашей жизни исчезли такие ритуалы, как принятие в октябрюта, пионеры и комсомольцы, которые при всей их идеологической направленности служили детям символами их взросления, перехода в новую социальную группу.

Из-за страха перед будущим родители заставляют ребенка осуществлять планы, которые соответствуют представлениям сегодняшнего взрослого мира. И то время и пространство, которые раньше были заняты игрой, сейчас заполняют средства массовой коммуникации и учебная деятельность [1].

Резким изменениям подвергается процесс общения родителей и детей. Если в традиционных обществах передача опыта происходила непосредственно от представителей старшего поколения или представителям младшего во время их общения и совместной деятельности. То сегодня приобщение к культуре в раннем детстве происходит, как правило, при помощи средств массовой информации и коммуникации – телевизора, компьютера, интернета.

Мы наблюдаем постепенное исчезновение первичных материнских жанров детского фольклора – колыбельных, песен, потешек, прибауток, которые уже на досознательной для ребенка стадии выполняли очень важную задачу включения его в процесс инкультурации, вхождения в культуру. Передача социокультурного опыта идет уже не от старших поколений к младшим, «из рук в руки», а опосредуется информационной средой, прежде всего через экранную плоскость. Современная цивилизация «вручила» ребенку экран в качестве средства развлечения и обучения. Ребенок с самого раннего возраста приобретает опыт непрерывного знакового обмена и перекодировок. Но при этом значительно сокращается опыт общения не только со взрослыми, но и со сверстниками.

Современные дети перестают играть, изменяется качество, сама суть детских игр: они стали невеселыми, агрессивными, индивидуалистичными. Оказалась прервана многовековая непрерывная цепь передачи игровой традиции от одного детского поколения – другому, и это привело к кризису игровой культуры. Проведенное в детских садах психологическое исследование показало, что на вопрос «Во что ты любишь играть?» 5% детей 4-6 лет вообще не могли назвать ни одну игру, 4% назвали компьютерные игры, четверть

детей вместо игры называли игрушки (машинки, трансформеры, куклы Барби), которыми они просто манипулировали. Большинство детей называли какие-то подвижные игры типа салок и прятков, но правила игры – ее смысловой стержень, сформулировать смогли лишь некоторые [2]. Из игры уходит ее правилосообразность и соотносимость с образом идеального взрослого.

Значительно изменились и детские игрушки. Традиционный быт был наполнен предметами, которые обеспечивали уход за детьми, их воспитание, способствовали поэтапному приобретению ребенком навыков, специфичных для его народа, освоению бытовой и трудовой среды: колыбели, погремушки, игрушки, одежда, обувь. Широко распространены были детские орудия труда: серпы, прялки, веретенца, подойники – для девочек; орудия охоты, инструменты для обработки металла, камня, дерева – для мальчиков.

Традиционная игрушка – мудрое средство народной педагогики, обучающее детей трудовым навыкам, передающее от старшего поколения к младшему накопленный веками опыт. Для российской традиции, например, было характерно невмешательство взрослых в детский быт, признание детской игровой автономии, права на игру. Это выражалось, в частности, в охотном изготовлении игрушек взрослыми и в существовании особого пространства для игр: в крестьянской избе для детей было отведено самое высокое, «небесное» место – дощатый настил над печкой (полати) – весьма выигрышное для успешной детской игровой жизни.

Сегодня взрослые порою охотнее играют в игрушки, чем сами дети. В современном мире игрушки, прежде всего, очень прибыльный бизнес, и «игровая индустрия» расширяется с каждым годом, а современные игрушки воспитывают, прежде всего, потребителя. Для современных кукол приобретаются дома, машины, животные и друзья, ассортимент которых непрерывно обновляется, и которые должны заменяться более новыми моделями.

Кризис культуры детства осложняется кризисом традиционной формы семьи. Растет число разводов, увеличивается количество незарегистрированных браков, растет бездетность семьи, сокращается число детей в семьях [3].

Существенной предпосылкой изменений культуры детства стало изменение статуса женщины. «Култ материнства», провозглашавший уникальность и неизменность материнской заботы, служил гарантом защищенности детства. Эмансипация женщин сделала невозможным пребывание детства в прежнем опекаемом состоянии.

Ребенок занимает не свойственное ему положение, он перестает восприниматься как подчиненный или зависимый член семьи. Сегодня разрушились многие традиционные практики воспитания, опирающиеся на авторитарные модели подчинения, которые формировали четкие представления о социальной и семейной иерархии. В рамках новых моделей педагогики сотрудничества ребенок провозглашается равноправным субъектом, принимающим активное участие в социокультурном созидании наравне с взрослыми членами общества [4].

В современных семьях отношения между родителями и детьми строятся на равных, а по ряду аспектов, например, во владении современными средствами коммуникации, дети осознают свое преимущество над родителями. Щеглова С.Н. указывает, что юные считают себя экспертами по многим вопросам семейной жизни. Они дают родителям рекомендации, какую бытовую технику и где купить, что носить из одежды, как родителям общаться друг с другом, как работать на компьютере. При этом в глазах таких детей родители теряют право на руководство и оценку [5]. Слова Э.Эриксона о детях, как культурных родителей своих биологических родителей, написанные им в отношении эмигрантской среды, можно смело отнести и к современному российскому обществу, когда

младшее поколение гораздо быстрее приспосабливается к быстро изменяющимся внешним условиям [6, с. 182].

Можно говорить о наступлении нового для истории периода, когда, по словам Маргарет Мид, молодежь с ее префигуративным схватыванием еще неизвестного будущего надеется новыми правами, времени, когда взрослые учатся у своих детей [7, с. 361].

Наше время вполне можно назвать временем, когда стираются границы, причем верно это не только для границ экономических или политических, но и границ социальных. Сейчас все больше исследователей говорят о своеобразном слиянии мира детства и взрослого мира. Мы замечаем, например, все большую похожесть детей и взрослых в отношении одежды и моды. Телевидение предлагает одинаковые программы для взрослых и детей. Школьное обучение все больше и больше строится аналогично взрослой трудовой деятельности, а в так называемом взрослом мире становится необходимым учиться на протяжении всей жизни. В обществе утверждается

новая возрастная периодизация, включающая лишь три возраста: младенец – ребенок-взрослый – старик. Исчезновение четких возрастных границ одни исследователи относят за счет возрастающей инфантильности взрослых, говоря о «синдроме Карлсона» или «Питера Пэна», и даже вводят термин кидалт (от английского kid – ребенок и adult – взрослый), который все больше входит в активный словарь, несмотря на явную неблагозвучность для русского уха. Другие ученые причины исчезновения возрастных границ видят в раннем взрослении детей, говорят о кризисе детства, индивидуализации детства, эмансипации детства, разрыве между ранним и поздним детством, исчезновении детства [5].

Такое состояние дел противостоит естественно. Утрата адекватной атрибутики детства – очевидная культурная потеря. И одной из актуальных проблем современности в целом и Российской в частности, – возрождение культуры детства со всеми присущими ей атрибутами.

Библиографический список

1. Майорова-Щеглова, С.Н. Детство: противоречия и диалог культур // Интеллигенция в диалоге культур: сб. статей. – М.: РГГУ, 2007.
2. Абраменкова, В.В. Игры и игрушки наших детей: забава или пагуба? Современный ребенок в игровой цивилизации. – М.: Даниловский благовестник, 2001.
3. Шалаева, С.Л. Детство в ситуации постмодерна // Ученые записки Казанского государственного университета. – Казань. – 2006. – Т. 148. – Сер. Гуманитарные науки.
4. Мамычева, Д.И. Трансформации категорий «детство» и «взрослость» в современной культуре // Общество. Среда. Развитие: научно-теоретический журнал. – 2010. – №3.
5. Щеглова, С.Н. Трансформация детства в современном российском обществе и императивы развития государственной политики в интересах детей // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – Т. 2.
6. Эрикссон, Э. Детство и общество. – М.: Летний сад, 2000.
7. Мид, М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1983.

Bibliography

1. Mayjorova-Theglova, S.N. Detstvo: protivorechiya i dialog kul'tur // Intelligenciya v dialoge kul'tur: sb. statey. – M.: RGGU, 2007.
 2. Abramenkova, V.V. Igrih i igrushki nashikh detey: zabava ili paguba? Sovremennihy rebenok v igrovoyy civilizacii. – M.: Danilovskiy blagovestnik, 2001.
 3. Shalaeva, S.L. Detstvo v situacii postmoderna // Ucheniye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. – Kazanj. – 2006. – T. 148. – Ser. Gumanitarniye nauki.
 4. Mamihcheva, D.I. Transformacii kategoriy «detstvo» i «vzroslostj» v sovremennoy kul'ture // Obthestvo. Sreda. Razvitie: nauchno-teoriticheskiy zhurnal. – 2010. – №3.
 5. Theglova, S.N. Transformaciya detstva v sovremennom rossiyskom obthestve i imperativih razvitiya gosudarstvennoy politiki v interesakh detej // Zhurnal issledovaniy social'noy politiki. – 2004. – T. 2.
 6. Ehrikson, E. Detstvo i obthestvo. – M.: Letniy sad, 2000.
 7. Mid, M. Kul'tura i mir detstva. – M.: Nauka, 1983.
- Статья поступила в редакцию 10.05.11*

УДК 371.65

Tarasova A.N. PROSPECTS OF SCHOOL MUSEUMS IN MODERN CONDITIONS. Prospects of activity of museums of educational institutions /school museums/ and also problems of their development are reveal in work. Recommendations about work improvement about cultural – ecological education are given.

Key words: a school museums, social and economic conditions, ecology of the culture, federal state standards, pedagogical approaches, art therapy, ethno pedagogic, museum pedagogic.

А.Н. Тарасова, педагог дополнительного образования Городского центра физкультуры и спорта «Виктория», г. Новосибирск, E-mail: antbehappy@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В работе раскрываются перспективы деятельности музеев образовательных учреждений (школьных музеев), а также и проблемы их развития. Даются рекомендации по улучшению работы по культурно-экологическому воспитанию.

Ключевые слова: школьный музей, экология культуры, Федеральные государственные стандарты (ФГОС), арт-терапия, этнопедагогика, музейная педагогика.

Тема исследования обусловлена изменениями, произошедшими и происходящими в последние два десятилетия в

нашем обществе. Эти изменения сопровождаются бурным развитием музейной деятельности и ростом музейной сети,

особенно в школьном музееведении. В музеях начался процесс модернизации, направленный на адаптацию музеев к современным социально – экономическим условиям. Музеи заново осмысливают свое место и роль в обществе, осваивают и внедряют новые организационные, коммуникационные и информационные технологии, развивают сетевое партнерство, ищут пути продуктивного взаимодействия с государственными и муниципальными органами власти, местным музейным сообществом. Все это привело к новому пониманию роли школьного музея в воспитательном и образовательном процессе, а также к не решенным в прошлом, добавило новые проблемы в деятельности музеев. Перемены, происходящие в настоящее время в мировой музейной практике, также диктуют необходимость поиска новых подходов в деятельности школьных музеев.

С целью адаптации школьного музея к новым условиям в 2003 году вышло Письмо Министерства образования РФ № 328-15-181/16 от 12 марта «О деятельности музеев образовательных учреждений» [1, с. 22]). По этому документу, «школьный музей» – обобщающее название музеев, являющихся структурными подразделениями образовательных учреждений РФ независимо от формы собственности и действующих на основании Закона РФ «Об образовании», а в части учета и хранения фондов – Федерального закона «О музейном фонде РФ и музеях в РФ». Музей организуется в целях воспитания, обучения, развития и социализации обучающихся. Профиль и функции музея определяются задачами образовательного учреждения. Основными функциями музея являются: документирование природы, истории, культуры родного края; осуществление музейными средствами деятельности по воспитанию, обучению, развитию, социализации учащихся; организация культурно просветительской, методической, информационно и иной деятельности, разрешенной законом; развитие детского самоуправления. Исходя из этого документа, мы видим, что с музеев образовательных учреждений снята функция политико-идеологического воспитания учащейся молодежи, а главными задачами стали функция документирования музейного первоисточника, образования и социализации учащейся молодежи.

В соответствии с этим происходит переосмысление роли и места музея в образовательном учреждении. Школьные музеи должны стать ресурсом дополнительного образования и использоваться в изучении общеучебных предметов, элективных курсов, воспитании социально-значимой личности, развития гражданской инициативы и ответственности. Музеи должны ориентировать свою деятельность на решение сложных социальных вопросов, стоящих перед обществом. В системе патристического воспитания школьный музей должен стать образовательным пространством, ресурсом в становлении гражданского самосознания и самоопределения жизненных позиций.

В настоящее время мы являемся свидетелями возрождения школьных музеев, на новом качественном этапе их существования: расширения их количества, нового подъема тематического и жанрового содержания. Этот подъем происходит благодаря энтузиазму руководителей музеев, учителей, учащихся, родителей. Однако со стороны руководства школ муниципальных органов образования не всегда наблюдается понимание важности музея в структуре образовательного учреждения. Практикой предыдущих десятилетий деятельности школьных музеев доказано, что школьные музеи обладают огромным образовательным и воспитательным потенциалом. Их главная особенность – тесная связь с учебно-воспитательным процессом [2, с. 27-35].

Сегодня музей становится средством адаптации человека к культурной среде.

Изучение деятельности школьных музеев в двух типичных крупных промышленных городах юга Западной Сибири, Новосибирска и Кемерово показало, что наряду с успехами

имеются серьезные проблемы, без решения которых невозможно их переориентация на решение современных задач. На наш взгляд они сводятся к следующему:

1. Проблема недостаточной изученности сети школьных музеев. Во многих регионах нашей страны лучше изучена музейная сеть крупных городов страны. Школьные музеи областей, провинциальных городов, районов изучены слабо или вообще не изучены.

2. Отсутствие контакта между школьными музеями. Так, 90 % детей никогда не были ни в одном школьном музее кроме своего. Дети не достаточно осведомлены о музеях и достопримечательностях своего района, города, страны.

3. Проблема расширения музейной аудитории. Школьные музеи посещают в основном учащиеся школы, реже их родители, учителя. Кроме того, существуют такие школы, где не все учащиеся знают о школьном музее.

4. Проблема дефицита ресурсного обеспечения музеев. Нехватка площадей помещений, морально устаревшая техническая база.

5. Проблема квалифицированных руководителей. Дефицит квалифицированных кадровых ресурсов и, наконец, информационный голод, связанный со снижением числа музейных конференций, количеством и тиражей музейных изданий. Это привело к неготовности руководителей школьных музеев к новым условиям [2, с. 7-15]. В школьном музее работают не профессиональные музейеды, а учителя – предметники, либо педагоги-организаторы, что, естественно снижает качество работы музея.

Даже старые крупные музеи, укомплектованные опытными профессионалами самой высокой квалификации, сегодня сталкиваются с проблемой острого дефицита знаний умений, необходимых для деятельности в новых социальных и экономических условиях. В прежние годы эта проблема значительно решалась за счет курсов повышения квалификации, на базе вузов, стажировок в головных музеях, конференций и других форм профессионального общения. Сегодня для многих музеев подобные способы укрепления кадрового потенциала недоступны по финансовым причинам.

6. Отсутствие понимания роли школьного музея со стороны администрации образовательного учреждения и педагогического коллектива.

7. Отсутствие контакта с другими музейными учреждениями.

8. Отсутствие четкой концепции развития школьных музеев на городских и региональных уровнях.

9. Проблема научной замкнутости. Это проблема привлечения к деятельности школьных музеев специалистов из других наук – психологии, педагогики, культурологи, социологии.

10. Проблема культурно-экологического воспитания. Для формирования современного мировоззрения учащаяся молодежь должна обладать широким спектром знаний о системе ценностей культивируемых в новом цивилизованном обществе, о возможности адаптации в культурно-экологической среде. То есть о гармонии своего существования в социуме, историко-культурном и природном наследии.

Для решения названных проблем в деятельности школьных музеев, существуют определенные пути их преодоления. С целью повышения квалификации руководителей музеев необходимо обратиться к многочисленной литературе, освещающей различные аспекты работы школьных музеев.

Так в работах Туманова В.Е., Сейненского А.Е., Юхневич М.Ю., Абдрашитовой И.М., Синицкого К.Р., Павлюченко Э.А., Вансловой Е.Г. Буланого И.Т., Кацюба Д.В., Элькина Г.Ю., Огризко З.А. обобщен опыт работы школьных музеев, освящена их деятельность: формы работы, цели, задачи.

Труды К.Д. Ушинского, И.М. Гревса, В.Н. Татищева, В.О. Ключевского, Г.Н. Матюшкина, Д.В. Кацюбы, В.Е. Туманова, А.М. Разгона помогают в определении роли и значе-

нии краеведческой работы школьников на основе туристической деятельности, рассматривают туризм как средство воспитания и формирования мировоззрения.

Вопросам включения музейной педагогики и арттерапии посвящены следующие работы: Столяров Б.А., Прасолова К., Кузнецова Н., Ванслова Е.Г., Косова И.М., Гнедовский М.Б., Юхневич М.Ю., Странский З., Платонова О.В., Жвитиашвили Н.Ю. [3] и другие.

Этнопедагогические технологии отражены в работах Л.С. Выготского, Л.В. Занкова, Т. Кузиной.

В работах К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, Сухомлинского В.А., Н.К. Крупской, Амонашвили, Л.С. Выготского, Л.В. Занкова, Д.Б. Давыдова освящены основные педагогические принципы и подходы, которые используются в деятельности школьных музеев. С целью привлечения внимания к решению проблем школьных музеев со стороны муниципальных органов образования и руководства школ необходимо: во-первых, настойчивое «просвещение» их представителей в знании современного законодательства; во-вторых, активная работа самих школьных музеев, своей ежедневной деятельностью доказывающих свою эффективность в образовательном и воспитательном процессе, в-третьих, участие в различных программах, грантах, выставках, конкурсах. То есть не пассивное ожидание понимания, а активное доказательство своей полезности и необходимости. С целью привлечения более широкой публики в школьный музей необходимо использование современной рекламы, PR-технологий, выход музея за пределы собственного музейного пространства. Создание общественного совета школьных музеев при муниципальном органе образования и попечительского совета при нем также помогут решению многих конкретных проблем. Все это возможно при одном непременном условии, если руководители музейных учреждений будут творчески подходить к выполнению своих должностных обязанностей. А это могут делать только специалисты своего дела. Таким образом, мы вновь возвратились к первой проблеме – недостатку квалифицированных кадров музейных специалистов. Следовательно необходимо начинать именно с решения этой проблемы.

Необходимо также отметить, что с 2011 года вводятся стандарты второго поколения (ФГОС), которые предлагают механизм интеграции общего и дополнительного образования, в соответствии с запросами детей и их родителей [4, с. 30-31]. Педагоги основного и дополнительного образования обязаны знать особенности работы друг друга, понимать ее специфику, сложности и преимущества. Своеобразие дополнительного образования в школе проявляется в целенаправленном добровольном использовании ребенком свободного от уроков времени для полноценного развития своих потенциальных возможностей. По большому счету основное и дополнительное образование не должны существовать друг без друга, ибо по отдельности они односторонни и неполноценны. Как целостен отдельный ребенок во всем многообразии его потребностей и способностей, так и образование обязано быть комплексным, обеспечивающим полноценное развитие ребенка во всем богатстве его запросов и интересов.

В связи с этим встает вопрос об использовании новых направлений, методов, подходов, психологических практик в работе школьного музея, в частности – направление «Экология культуры», приобретает особую значимость и составляет предмет профессиональных и научных дискуссий.

Исходные позиции данного направления обозначены в работах Д.С. Лихачева, научное обоснование дал Е.А. Когай [5, с. 136-145]. Экология культуры, изучающая взаимоотношения социума, как с миром природы, так и с миром культуры, акцентирует внимание на втором направлении, рассматривающем взаимодействие человека, общества в целом с социально-исторической средой, средой «фруктозной». Данное направление поднимает вопросы сохранения и приумножения культурного национального достояния, обращается к рас-

смотрению таких проблем, как отношение человека к природе, отношение к культуре и культурным памятникам, этические позиции (к своим корням, традициям, в различной деятельности), выявление целей и способов развития научного знания, отношение к прошлому. По Д.С. Лихачеву, «И природная, и культурная среда являются его домом, его Ойкуменой. Как природная, так и культурная среда чрезвычайно важны для духовной, нравственной жизни человека, они способны максимально обогатить его духовный мир, наметить те смысловые опоры, которые делают человеческую жизнь насыщенной и плодотворной, позволяют ощутить полноту бытия» [5, с. 137].

Каждый должен владеть определенной системой знаний, информацией о сегодняшнем состоянии окружающей среды, об очевидных экологических проблемах, проблемах культуры, как глобальных, так и национальных и местных. Каждый человек должен хорошо представлять реальную опасность для его здоровья, тех или иных сдвигов в среде, его окружающей, и знать, как можно защитить себя и окружающую среду. Целесообразно вести пропаганду здорового образа жизни в гармонии с природой, знакомить с раннего возраста с традициями, прививать любовь к краю.

Большинство положений экологии культуры могут служить основой для деятельности школьного музея и всей школы.

Мы предлагаем некоторые варианты развития школьного музея (на основе направления – экология культуры).

В основе деятельности школьного музея – обязательное взаимодействие всех школьных структур: совета музея, актива музея, актива школы, педагогического совета, завуча по ВР, педагога – организатора, школьного психолога, учителя предметника, классных руководителей, библиотеки, методических объединений, социального педагога, родителей, общественного совета школы [6]. А также сотрудничество с различными учреждениями города (музеи, библиотеки, психологические центры). Основа развития – средовый подход к организации образовательного процесса, взаимодействие всех социальных институтов – семьи, школы, внешкольных организаций, общественности, средств массовой информации, обеспечивающих единство и целостность воспитательного процесса. Развиваясь под воздействием различных воспитательных систем, воспитательный процесс становится результативнее. Интеграция субъектов и институтов воспитания выводит его за рамки единого образовательного учреждения, формируя особое воспитательное пространство с функционирующей в нем эффективно развивающейся системой воспитания.

Желательно, чтобы в каждом музее была экспозиция, посвященная истории школы (Возможные разделы: педагогическому коллективу, выпускникам, руководителям, школьным традициям), а также истории района, города.

Большую помощь также могут оказать разделы, посвященные экологии района, города и традиционной культуре.

Мы предлагаем разделить работу школьного музея на 4 периода (четверти): 1 четверть – «Стань гражданином своей школы», 2 четверть – «Все начинается с семьи», 3 четверть – «Стань гражданином своей страны», 4 четверть – «Поклонимся Великим тем годам».

Особенностью данных вариантов должен стать комплексный подход – это сочетание патриотического, гражданского, эстетического, трудового, нравственного воспитания.

Одним из возможных вариантов воспитательной деятельности может стать эффективная система воспитательной работы, удобная для практической реализации актуальных направлений воспитания (многие классные руководители ее используют).

Эта система состоит из следующих направлений: 1. Здоровье, 2. Интеллект, 3. Общение, 4. Нравственность, 5. Досуг, 6. Гражданин, 7. Семья. Данные направления отлично сочетаются с направлениями работы школьного музея.

Таким образом, поддержка музеев на муниципальном уровне, укрепление и расширение профессиональных контактов музейных работников, консолидация музейного сообще-

ства и развитие новых направлений и образовательных технологий могут стать гарантом успешной модернизации школьных музеев в современных условиях.

Библиографический список

1. Музей образовательного учреждения: проблемы, опыт, перспективы: сборник нормативно-правовых и методических материалов / под ред. В.А. Орловой. – Новосибирск: Музей истории развития образования, 2010.
2. Наша эпоха и образовательные проблемы людей // Нам нужна иная школа: Аналитический сборник по вопросам педагогики. – Москва: Академия управления, 2008.
3. Платонова, О.В. Арттерапия в художественном музее: учебное пособие для студентов гуманитарно-художественных вузов / О.В. Платонова, Н.Ю. Жвителишвили. – СПб.: Спецлит, 2000.
4. Круглый стол № 4. Роль школьных музеев в переходе общеобразовательных учреждений на федеральные государственные стандарты // Инновационные процессы и технологии в образовании – стратегии, риски, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск: НИПКиПРО, 2011.
5. Коган, Е.А. Экология культуры: предметное поле исследования // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – Вып. 5-6.
6. Нагорский, И. В. Музей как открытая педагогическая система // Педагогика. – 2005. – № 4.

Bibliography

1. Muzejy obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: problemih, opyt, perspektivih: sbornik normativno-pravovikh i metodicheskikh materialov / pod red. V.A. Orlovoy. – Novosibirsk: Muzej istorii razvitiya obrazovaniya, 2010.
2. Nasha epokha i obrazovatel'niye problemih lyudey // Nam nuzhna inaya shkola: Analiticheskij sbornik po voprosam pedagogiki. – Moskva: Akademiya upravleniya, 2008.
3. Platonova, O.V. Artterapiya v khudozhkstvennom muzee: uchebnoe posobie dlya studentov gumanitarno-khudozhestvennikh vuzov / O.V. Platonova, N.Yu. Zhvitiashvili. – SPb.: Speclit, 2000.
4. Kruglihy stol № 4. Rolj shkol'nikh muzeev v perekhode obteobrazovatel'nikh uchrezhdeniy na federal'niye gosudarstvenniye standartih // Innovacionniye processih i tekhnologii v obrazovanii – strategii, riski, perspektivih: materialih Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii. – Novosibirsk: NIPKiPRO, 2011.
5. Kogay, E.A. Ehkologiya kul'turi: predmetnoe pole issledovaniya // Social'no-gumanitarniye znaniya. – 2002. – Vihp. 5-6.
6. Nagorskiy, I. V. Muzejy kak otkrihtaya pedagogicheskaya sistema // Pedagogika. – 2005. – № 4.

Статья поступила в редакцию 23.05.11

УДК 130:398.3+37.01: 930.26

Ezhov B.C. THE ORIGIN OF RELICT HUMAN AESTHETIC (PHILOSOPHY OF HISTORY RECONSTRUCTION). The article examines the issue of cultural human in its optimum integrity. Focus not only on the aesthetic aspects of life of ancient human in the process of Paleolithic culture, but also to study the characteristics of aesthetic consciousness exactly – historical person, him creative abilities.

Key words: aesthetic consciousness, archeology, ancient tools, improving, epoch, harmony, human development, mythology, spirituality, beauty.

B.C. Ежов, канд. философ. наук, доцент СибГУТИ, г. Новосибирск, Email: ezhov@sibsutis.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭСТЕТИКИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА (ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

В статье анализируется проблема возникновения культурного человека в его оптимальной целостности. Акцент делается не только на эстетические стороны жизнедеятельности древнего человека в процессе формирования палеолитической культуры, но и на исследование характеристики эстетического сознания конкретно – исторического человека, его творческих возможностей.

Ключевые слова: эстетическое сознание, археология, древние орудия, совершенствование, эпоха, гармония, развитие человека, мифология, духовность, красота.

Раскрытие духовного потенциала человека палеолитической культуры является не только археологической проблемой. Новейшие исследования по затрагиваемой проблеме в научной литературе (философии, эстетике, культурологии, истории, педагогики) указывают на интерес к проблеме времени становления общественного культурного человека, содержанию его жизнедеятельности, сапиентности, творческих возможностей субъекта внебиологической деятельности [1]. Формирование эстетического отношения, эстетической деятельности у палеочеловека связано с развитием его сознания и эстетических чувств. Исследование истоков сознания в филогенезе актуально проясняет взгляд на его дальнейшее развитие и в современных сложных процессах эстетического освоения действительности и на уровне онтогенеза (эстетического воспитания в раннем детстве). Проникновение в сущность эстетического способствует углублению научного под-

хода к рассмотрению в методологическом плане различных содержательных аспектов (задач) культуры общества и конкретного человека в их историческом развитии.

В решении данной проблемы вырисовываются противоположные точки зрения зарубежных и отечественных исследователей, в частности, в археологической литературе [2, 7, 8, 10]. Время появления человека культурного – это ашель, время которого около 1–0,2 млн. лет тому назад – эпохи формирующейся всеобщей и частных эстетических форм социальной жизнедеятельности охотников и собирателей (согласно нашей концепции). Становление социокультурного основания древнего человека представляет собой начало нового, высшего этапа развития психического отражения действительности, – переход к сознательной деятельности. Возникновение и развитие эстетической культуры палеочеловека (сапиентности) есть тысячелетний процесс развития в челове-

ке человеческого (концептуальный подход) как проявление родовой сущности конкретно – исторического человека. Неоднозначное решение данной проблемы посредством известного антропологического критерия (гоминоидной триады) выявляет наличие прямохождения, развитие руки, увеличения мозга; при социологическом критерии – систематическое изготовление орудий, коллективную деятельность, наличие речи; при эстетическом критерии – способность субъекта идеально целостно отражать универсальные (формальные) признаки эстетического – гармонию, симметрию, пропорцию, ритм, соразмерность, форму и цвет при восприятии «меры каждого вида» в конкретной – исторической преобразовательной деятельности древнего человека «по законам красоты» – закона соответствия формы материалу, закона конструктивной целостности формы (художественной), закона модификации эстетического, закона нейтральности эстетического по отношению к конкретным свойствам своего носителя, закона моноканальности эстетической информации, закона эстетической условности, закона эстетического уподобления, закона эстетического сопереживания, закона взаимопроникновения содержания и формы.

Исследователи основываются на очерченных (наглядных) объектах первобытной культуры – артефактах предыдущих эпох, как проявление мыслепорождающих актов (интенции) деятельности древнего человека каменного века (палеочеловека), начиная с эпохи нижнего палеолита, эпохи возникновения, становления и развития (генезиса) культурного человека. Методологически обоснованным является в современной науке философско – эстетический подход к анализу материальной и духовной культуры наших далёких предков. Нам думается, что новое направление (как вклад в научное исследование) в решении проблемы можно назвать «палеоэстетикой» в исторической науке, прежде всего в археологии, которая накопила информацию не только о материальной культуре древнего человека. Её решение подробно рассматривается в авторской работе [6]. «Поэтому теперь и становится особо актуальной задача обратиться к познанию интеллектуальных достижений палеолитического человека, изучение его духовного мира» [8, с. 44].

В данной статье положено выявление эстетического потенциала развития первобытности в Сибири, в частности социокультурного варианта, – эстетики археологической культуры поселений Мальты и Бурети. Нами рассматривается первобытность как универсальное основание сохранения и воспроизводства наличных социальных форм жизнедеятельности (выживания) древнего человека, знаково оформленных под влиянием прежде всего природных условий. При философско – эстетическом методологическом подходе автор концептуально рассматривает эстетическое как целесообразную целостность формообразующей жизнедеятельности древних людей, связанной с познанием, творческой свободой и духовным наслаждением.

Формирование эстетического отношения, эстетической деятельности у палеочеловека связано с развитием его сознания и эстетических чувств. Проникновение в сущность эстетического, содержательный анализ культуры древнего человека способствует углублению научного подхода к рассмотрению в методологическом плане и различных аспектов (задач) культуры в ее историческом развитии. Исследование истоков сознания в филогенезе актуально проясняет взгляд на его дальнейшее развитие и в современных сложных процессах эстетического освоения действительности и на уровне онтогенеза (эстетического воспитания в раннем детстве). Рассмотрение ранних фаз (стадий) эволюции становления человека разумного (морфогенез и культурогенез) есть процесс эстетики формообразования древних «безполезных» орудий, который недостаточно изучен в археологии при морфологическом, трасологическом, технологическом и планиграфическом анализе [2].

Мы считаем, что важнейшим основанием появления эстетических способностей в родовой сущности человека послу-

жил унаследованный от наших далёких предков высокий уровень оптимального психофизиологического отражения действительности, т.е. исторически пластично изменчивого. В становлении человека разумного, его эстетических отношений, природное предшествовало духу, биологическое социальному, инстинктивное сознательному, бесцельное целеполаганию, рефлекторное осмысленному. В результате гармонизирующей эволюции возникли генетически врожденные и закрепленные в социуме человеческие черты (механизмы) биологии антропидов, имманентные силы (гаптические коды, чувственный конкрет, эмоциональные константы и пр.), их психофизиологические особенности при восприятии универсальных свойств природы, формальных основ эстетического – формы, цвета, ритма, симметрии, пропорции. Потенциальная способность человека стала обязательным (бессознательным) изначальным условием осуществления трудовой деятельности (формообразования орудийности), возникновения эстетического сознания (сознания вообще). Человек воспринимал информацию о целостности высокого уровня, творчески преобразовывал в практической деятельности.

Исследования жизнедеятельности древних людей на ранних этапах становления общества, анализ орудийной деятельности помогает высказать идею о том, что генезис эстетического сознания есть диалектический процесс доминирования определенных содержательных состояний субъекта деятельности, познания и переживания (теория положительных эмоций П.В. Симонова). Он проходит ряд взаимосвязанных стадий диалектически необратимых процессов развития по закону отрицания с доминированием сущностных характеристик. Согласно выдвигаемой автором концепции генезиса эстетического сознания древнего человека выделяются три стадии развития:

– стадию практических эмоций эпохи галечных орудий, характерным признаком которой является врожденная рефлекторная – интуитивная двигательная деятельность (наличие гаптических кодов), которая отражала способность воспринимать формальные признаки эстетического (форму, цвет) и формировала психофизиологическое удовольствие от выбранного природного орудия (позднее целенаправленно сделанного), восприятия его утилитарной целесообразности; ему свойственна практическая пригодность, эффективность, необходимая целесообразность:

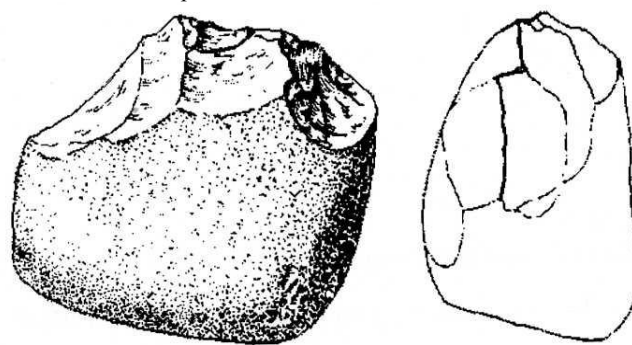

Рис.1 Олдувайский чоппер

– стадию эстетической рефлексии эпохи ашеля, характерной особенностью которой является зарождение познания (развитие абстракции) свойств качества камня как основного орудийного материала и ассоциативное восприятия (переживания) его формы, а также приобретение навыков, умение и сноровка формообразования орудий, ассоциативное созидания их образцов по аналогии, по смежности, по контрастности; развитие когнитивных способностей; развитие воображения и фантазии; зарождение исторически мифологического целостного восприятия мира как начальной духовной сферы деятельности древнего человека:

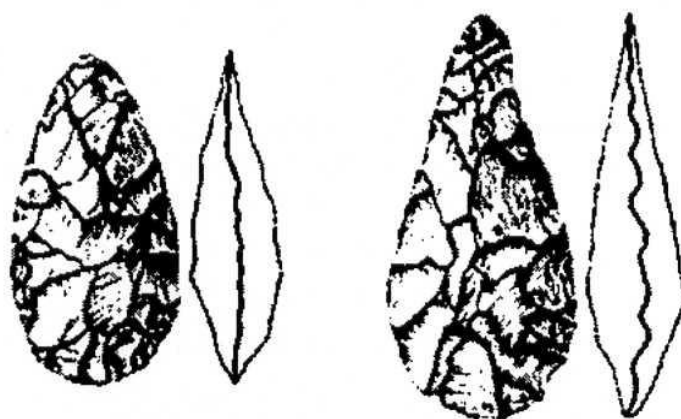

Рис.2 Ашельские рубила

- стадию эстетического чувства эпохи конца ашеля – мустье, с которой можно связать наличие формирующегося абстрактного мышления, развитие рациональной интуиции, а также осознание эстетических поисков новых форм первобытных орудий, появление ценностей в многообразной эвристической направленности, развитие креативных способностей при господстве эстетико – мифологическом восприятии действительности:

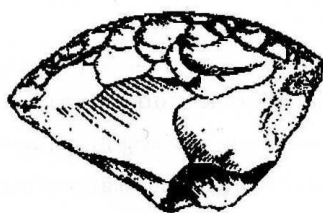

Рис. 3 Скребло

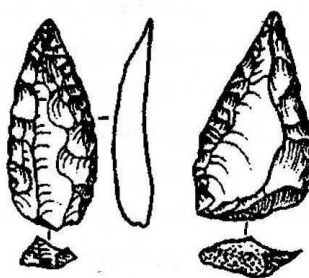

Рис.4 Мустьерские остроконечники

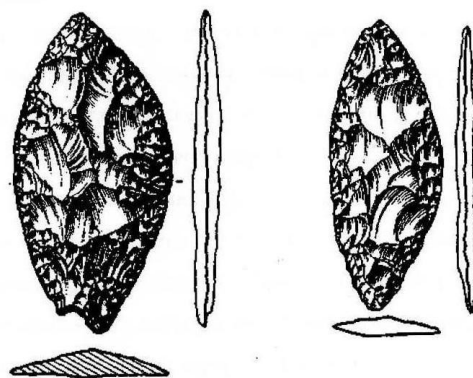

Рис. 5 Листовидные острия

На всех стадиях развития эстетического сознания мы имеем дело с конкретной чувственностью и целостностью отражения.

В целесообразной ориентации «коллективный разум» древних людей был «проясняющим» сознанием, возвышающимся над рефлекторно – бессознательным и пограничными подсознательными психическими процессами, подымающимся из тёмных глубин психического к сверхсознательному (по К. Юнгу). При этом процесс образования древних орудий органично (гармонично) связан с регуляцией их содержатель-

ной и функциональной целесообразности и целенаправленности на эмоционально – интуитивном или рационально – рефлексивном архетипических бинарных уровнях. Происходило сбрасывание старой (бессознательной) целесообразной формы существования, происходила целенаправленная (осознанная) перестройка общественных отношений в их историческом содержании, формирование всеобщей и частных форм эстетической жизнедеятельности охотников и собирателей. Целесолагание есть сознательное отражение целесообразной структуры социальной деятельности. Оно возникает в конкретно –

чувственном отражении, а конкретно, первоначально в орудийной деятельности древнего человека. Труд явился основной формой деятельности человека в становлении его родовой сущности в соорганизованности (гармонизации) позднее с различными социальными практиками – духовными формами (магия, обряды, культы) и духовно – практическими (мифология, искусство) в первобытной культуре. «В конечном счете мы не так уж отличаемся от этих людей, и многим из того истинного и полезного, что так бережно охраняем, мы обязаны нашим грубым предкам, накопившим и передавшим нам по наследству фундаментальные представления, которые мы склонны рассматривать как нечто самобытное и интуитивно данное» [12, с. 251].

Орудийность становится основой жизнедеятельности древнего человека. Индустрия первоначальной олдувайской (галечной) культуры явилась результатом активной деятельности далёкого предка умелого, в которой «характерно доминирование простых форм изделий из целых галек...» [5, с. 159]. Иначе говоря, начинается архаичная эстетика простых форм! Этот этап и признается за начало собственно человеческой культуры палеолита, а предсубъект этого труда – первым человеческим существом. Процесс формообразования орудий развивает эстетическую культуру древнего человека, его творческие возможности, утверждает свободу волеизъявления его эстетического начала, нарастающую силу его способностей – воображения, фантазии, рефлексии, интуиции, интенции, ассоциативной образности по аналогии, по смежности, по контрасту. Эстетическое начало: а) направлено не на воспроизводство объекта, а на воспроизводство субъекта, хотя первоначально взято и через объект его деятельности;

б) оно снимает и преодолевает конкретно – односторонний частичный вид деятельности (стихийное созидание орудия), формирует у субъекта мотивы, выходящие за рамки частичного вида деятельности, развивает в нем универсальный (целостный) подход к миру, собственной орудийной практики.

Орудия совершенной целостной структуры, выраженной в целесообразной и целенаправленной форме, обладает устойчивыми пропорциями, симметрией, что свидетельствует об утверждающейся культурной развивающей мифологической традиции, осознанием древним человеком бесконечности и неисчерпаемости бытия, сакральной тайны его гармоничной красоты, связи камня с небом. Красота – это бесконечность тайны, выраженная в законченной форме. Она есть упорядоченное и организованное формообразование. Ее постепенное появление в тысячелетней жизнедеятельности древнего человека явилось необходимым условием развития его самосознания. Человек, основанный на унаследованных природных признаках (гаптические коды, эмоциональные константы, чувственный конкрет) в закрытости предсказания будущего, рождал мысль и красоту в настоящем, акте сознательного созидания которых целиком содержался в конкретно-историческом мгновении, в неделимом настоящем.

Мы считаем, что причиной (основанием) раздвоение в познании реальности стало появление ценностного отношения у древнего человека, зарождение духовности, рефлексивных смыслов. Ценность выступала способом избирательного отношения к определенным фактам, исходя из тех или иных установок (ментальности) исторического человека. К примеру, по мере исторического созидания древним человеком первых орудий, артефактов первобытной культуры формировались утилитарные и эстетические ценности. Формирование и развитие эстетической рефлексии рождало размышление и переживание как историческую «экзистенциальную клеточку» эстетического сознания, обогащение внутреннего мира древнего человека. Оптимальная (целостная) форма орудий выражала созревшую идею совершенства и, наоборот, историческое совершенствование технологических функций орудийных инструментов, эстетических вкусов мастера ведет к соз-

данию полноты меры сущности и содержания объекта, т.е. к выявлению ее законосообразности. Объективным критерием различения стадий становления структуры эстетического сознания и эстетической деятельности в формирующихся эстетических отношениях палеолитического человека является развитие технических навыков обработки камня. При этом процесс образования орудий органично (гармонично) связан с их содержательной и функциональной целесообразностью и целенаправленностью. Уже человек ашельской культуры, создавший их, обладал абстрактным мышлением, идеей творения орудия, значит определенными знаниями, реализуя свои зарождающиеся эстетические чувства. С этим процессом возможен был отлет мыслей от реальности (образование магии, мифов, религии). Солидарны с археологами специалисты экспериментально-технологических исследований в том, что в эпоху развития ашельской культуры появляются необычные бифасы – изделия, «от которых трудно оторвать глаза. Одни поражают своей совершенной формой, целесообразной и красивой обработкой, размерами или тонкостью сечения, другие интересны тщательной ретушью, изящно охватывающей всю поверхность изделия. Наверное, нет более красивого и, я бы сказал, волнующего орудия каменного века, чем бифас или, как его еще называют, ручное рубило» [11, с. 47].

Первое местонахождение орудий а палеолитической культуры Сибири были обнаружены в пади Малый Кот, в долине р.Куди, в Усть-Канской пещере на Алтае, около г. Горно-Алтайска (Ойрот-Тура), на р. Улалинка, у села Филимошки в долине р. Зеи, а также в бассейне Амура. Например, орудиям древнего человека Сибири (стоянка в Денисовой пещере) была ещё свойственна архаичная эстетика нижнего палеолита. По форме рабочего края она напоминает собой обычно для палеолита Сибири большие овальные скребла. Однако отличается от них своей подчеркнутой примитивностью выраженной в первобытной технике формообразования. Эстетика архаики выразилась в использовании гальки в исходном, почти необработанном виде. Творческую свободу и волю являл древний мастер в получении оббитого лезвия, выпуклость очертания которого в основе соответствует естественной форме гальки. Всё это указывает на имеющиеся закономерности производства древних орудий и напоминает по форме и способу обработки галечные орудия чопперы из Пенджаба и Африки, предшествующие рубилам эпохи палеолита.

Рассмотрение археологического материала древних поселений Мальта и Бурети выявляет не только общие закономерности становления материальной и духовной культуры, но и своеобразие локальных вариантов сибирского палеолита. Каменные орудия данных поселений по сути совпадают по облику при формообразовании по времени с классическими позднериньякскими и перегордьенскими памятниками в Западной Европе, а также каменными изделиями раннемедленского времени Мезенской палеолитической стоянки (по Герасимову М.М.). Сделанный им анализ выявил сходство в изготовлении мелких орудий, изготовленных преимущественно на пластинах – проколки, резцы, острия, которые «варьируются по форме и по функциональному назначению» [4, с. 45]. Имеются скребки высокой формы сходные с классическими стоянками ориньяка на Западе. Отличие в скребках с прямым рабочим лезвием. Таковы и специализированные эстетические формы орудия, а именно, острия – проколки в двух вариантах: а) с одним клювовидно – изогнутым остриём; б) с двумя остриями на одном и том же конце пластинчатого отщепе. Вместе с тем выделенные в орудиях ориньякские признаки в технике и в форме, а именно, высокие нуклевидные скребки, пластины с боковыми выемками, нередко с эстетикой тщательной обработки. Надо полагать, что эстетическая сопряженность палеолитической культуры Мальты и Бурети была связана с палеолитом Европы не только исходя из общих исторических условий, географической среды и наследствен-

ности, закономерностей формообразования орудий, но и миграционными процессами при взаимовлиянии культур.

Однако эстетический потенциал культуры палеолита племён на берегах Ангары обнаруживает своеобразный социокультурный локальный вариант в связи с местными условиями. Например, основным азиатским элементом в эстетике всеобщей формы жизнедеятельности охотников и собирателей является наличие крупных, массивных и тяжёлых орудий, изготовленных из речных галек, расколотых пополам. Это чопперы – сечки, подобные эстетике ручным рубилам шельского типа, сохранивших галечную корку на конце противоположному лезвию. Архаичная эстетика подобных орудий появилась на очень ранних этапах истории палеолитического человека на юге Азии, сохраняющаяся позднее долгие годы.

Западноевропейский уровень палеолитической культуры Мальты и Бурети прослеживается и в других сферах существующей всеобщей охотничьей формообразующей жизнедеятельности, эстетически значимой для её обитателей. Сходство объясняется закономерным влиянием одинаковой природной среды как фактора культурогенеза конца ледниковой эпохи и выросшего в условиях одинакового образа жизни и хозяйства. Например, эстетика строительства формы жилищ из костей мамонта [4, с. 73]. Так и краматорец владел сложными техническими приёмами обработки кости, особенно бивней мамонта, более того применял её и для музыкальных целей [1, с. 79].

К высокоразвитому искусству данных стоянок можно отнести наличие типичной эстетики женских статуэток. Например, не случайно так много общего у эскимосов 17-18 вв. с историческими палеолитическими племенами Европы и Сибири в созидании «палеолитических Венер» по их характерной эстетике – художественной трактовке и позе. Сходство можно видеть в однообразии техники, отвлечённости изображений. Подобное можно обнаружить и в резьбе по кости. Реалистическое искусство имело своё основание в условиях жизни, а именно, в эстетической ситуации осёдлости людей того времени. «На высших ступенях культуры человек стремится к покою, т.е. минимуму труда. Добытое таким путем свободное время и самый первобытный народ умел использовать для высших целей, используя оставшееся время в искусстве, играх в спорте. Эта закономерность ... физического и духовного совершенствования» [3, с. 17-18]. Так же, как осёдлые чукчи и коряки, недавнего прошлого эскимосы, древние обитатели Мальты и Бурети, жившие в условиях Арктики, имели достаточно пищи и досуга для художественной резьбы из бивней мамонта, костей животных и мягкого камня. Известная находка костяного предмета названного «жезл начальника» культуры данного периода.

Характерной тенденцией для эстетики художественного творения статуэток восточного цикла при изображении женщин стало формирование локально – стилевой манеры сидящих фигур из бивней мамонта. Тенденция к реалистичному изображению лица долее всего выражала индивидуальность человека – тщательное изображение причёски, их разнообразие, женские особенности как худоба, полнота, стеатопигия, наличие татуировки [4, с. 67]. Например, известные женские статуэтки из Мальты и Бурети с монголоидными чертами лица. Надо полагать, что обитатели этих поселений в подобных статуэтках выражали (согласно нашей концепции) в зарождающихся мифах – основах идею о женщине – прародительнице, а также хранительнице души умершего (производный миф). Древний человек в свободном развитии смог осознать рождение мифов и стал осваивать и творить собственную

историчность эстетических форм жизнедеятельности, развитие которых привело закономерно к возникновению первобытного искусства.

Сходство с западноевропейским искусством проявилось и в изображении зверей и птиц, рыб, змей и мамонтов. Следует подчеркнуть, что художественных образах зверей и птиц мифологическое мышление древних людей выражало космогонические идеи о трёх взаимосвязанных мирах, эстетически значимых, о небесном (возвышенном), земном (прекрасном), преисподней (безобразной). Так на обнаруженной пластине (возможно амулет – оберег) из бивня мамонта изображение мохнатого слона из погребения с мальчиком могло выражать тотемного родоначальника. Это известно по многим мифам и легендам аборигенов Сибири. Подобное можно увидеть в изображениях птиц, воплощающих души умерших. Его наглядная исповедь явилась миру бесценным сокровищем, как «рождение нового человека в теле человека ветхого». Поисковая эстетическая активность человека создает новые условия для реализации возможностей, творческих действий. Эстетически развитый разумный человек не только может изменить ситуацию наличную (ситуативное мышление), но и изменить отношение, систему (надситуативное мышление); может создать «Я – концепцию», самоутвердить себя, организовать Новое (Иное) на уровне познания законов красоты природы, общества и самого себя.

Современное исследование в археологии обнаруживают у обитателей Мальты и Бурети высокий уровень астрономических знаний, наличие солнечного и лунного календарей. В работах рассматривается синкретичное мифологическое виртуальное видение древним человеком мироздания в числах, образах и мифах, гармония фундаментальных закономерностей природы и форм социума. Её рассмотрение прослеживается в аналитическом, геометрическом и содержательном планах. Обитатели этих поселений познавали единения законов формообразования и мироустройства в их универсальном значении, познавали гармонию, структурный порядок, эстетическое совершенство. Обладая «преднаучным чутьём и художественным вкусом» они предчувствовали фундаментальные основы мироздания, закономерности природы, воплощая их в «синкретично сложной идее форме». Наличие подобного археологического материала указывало на дифференциацию изделий древних мастеров на утилитарно – предметного назначения и знаково-символические, т.е. на духовно эстетические в своей выразительности и образительности в просветленном сознании древнего человека. «Конечно, как на ранних, так и на поздних стадиях развития знакового поведения определенное место в нем занимали и занимают бессознательные или подсознательные психические действия» [13, с. 89]. Постепенно у людей развивалось чувство эстетической дистанции от утилитарной полезности, выделение эстетической деятельности в самостоятельную сферу, танцы охотников (искусство). Таким образом, палеолитическая культура конкретных стоянок Мальты и Бурети обнаруживают богатый эстетический потенциал всего образа жизни древних обитателей.

Осмысленное освоение окружающей действительности и «укрупнение» внутреннего мира человека закономерно являло процесс формирования эстетических отношений, эстетической деятельности, эстетического сознания и подчинения их основной цели социальной первобытности – саморазвитию, духовному обогащению и утверждению родовой сущности культурного человека!

Библиографический список

1. Бибииков, С.Н. Древний музыкальный комплекс из костей мамонта: Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. – Киев, 1981.
2. Волков, П.В. Эксперимент в археологии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010.
3. Вейлз, К. Механическая технология первобытных народов. К истории орудий труда. – М.; – Л., 1924.

4. Герасимов, М.М. Памятники дорогового общества Прибайкалья. – Иркутск: Оттиск, 2007.
5. Деревянко, А.П. Палеолитоведение / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, С.А. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1994.
6. Ежов, В.С. Истоки эстетического сознания: (опыт философско-эстетической реконструкции). – Новосибирск: Наука, 2009.
7. Куценков, П.А. Начало. Очерки истории первобытного и традиционного искусства. – М.: Алетей, 2001.
8. Ларичев, В.Е. Мальтийская пластина из бивня мамонта. Счетная календарно-астрономическая таблица древнекаменного века Сибири. – Новосибирск, 1986.
9. Маркарян, Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. – Ереван, 1973.
10. Моэн, Ж.-П. Предисловие к первому тому. Доисторический период в действии. Современное состояние исследований (1988-2000). История человечества: в 8 т. – М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2003. – Т. 1
11. Ранов, В.А. Древнейшие страницы истории человечества. – М.: Просвещение, 1988.
12. Фрезер, Дж. Золотая ветвь. – М., 1983.
13. Шер, Я.Н. Происхождение знакового поведения. – М.: Научный мир. – 2004.

Bibliography

1. Bibikov, S.N. Drevniy muzikal'nyy kompleks iz kostey mamonta: Ocherk material'noy i dukhovnoy kul'turh paleoliti-cheskogo cheloveka. – Kiev, 1981.
 2. Volkov, P.V. Eksperiment v arheologii. – Novosibirsk: Izd-vo IAEHT SO RAN, 2010.
 3. Veyjle, K. Mekhanicheskaya tekhnologiya pervobihtnikh narodov. K istorii orudiy truda. – М.; – Л., 1924.
 4. Gerasimov, M.M. Pamyatniki dorodovogo obshchestva Pribaykalya. – Irkutsk: Ottisk, 2007.
 5. Derevyanko, A.P. Paleolitovedenie / A.P. Derevyanko, S.V. Markin, S.A. Vasiljev. – Novosibirsk: Nauka, 1994.
 6. Ezhov, V.S. Istoki ehsteticheskogo soznaniya: (opiht filosofsko-ehsteticheskoy rekonstrukcii). – Novosibirsk: Nauka, 2009.
 7. Kucenkov, P.A. Nachalo. Ocherki istorii pervobihtnogo i traditsionnogo iskusstva. – М.: Aleteyja, 2001.
 8. Larichev, V.E. Mal'tiyskaya plastina iz bivnya mamonta. Schetnaya kalendaro-astronomicheskaya tablica drevnekamennogo veka Sibiri. – Novosibirsk, 1986.
 9. Markaryan, E.S. O genezise chelovecheskoy deyatel'nosti i kul'turh. – Erevan, 1973.
 10. Moehn, Zh.-P. Predislovie k pervomu tomu. Doistoricheskiy period v deystvii. Sovremennoe sostoyanie issledovaniy (1988-2000). Istoriya chelovechestva: v 8 t. – М.: MAGISTR-PRESS, 2003. – Т. 1
 11. Ranov, V.A. Drevneyshie stranicah istorii chelovechestva. – М.: Prosvethenie, 1988.
 12. Frezer, Dzh. Zolotaya vetvj. – М., 1983.
 13. Sher, Ya.N. Proiskhozhdenie znakovogo povedeniya. – М.: Nauchniy mir. – 2004.
- Статья поступила в редакцию 31.05.11*

УДК 130+371.65

Shorina D.E. MUSEUMS OF ESTABLISHMENTS OF INITIAL VOCATIONAL TRAINING IN THE MUSEUM NETWORK OF ALTAI REGION. Here is analyzed the museum network as system of actualization of a regional heritage. It is considered the place of museums of establishments of initial vocational training (IVT) in a museum network of Altai territory. The typology and classification of museums of establishments of IVT is presented in the article.

Key words: museums of establishments of initial vocational training, typology and classification, a museum network of Altai territory.

Д.Е. Шорина, асп. АлтГАКИ, г. Барнаул, E-mail: darinashorina@rambler.ru

МУЗЕИ УЧРЕЖДЕНИЙ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МУЗЕЙНОЙ СЕТИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Анализируется музейная сеть как система актуализации регионального наследия. Рассматривается место музеев учреждений начального профессионального образования (НПО) в музейной сети Алтайского края. Представлена типология и классификация музеев учреждений НПО.

Ключевые слова: музеи учреждений начального профессионального образования, типология и классификация, музейная сеть Алтайского края.

Формирование и изменения структуры музейного мира обусловлено экономическими условиями в стране и потребностями социума. Теоретическое осмысление проблем музеелогии нашло отражение в опубликованных статьях и других научных работах [1; 2; 3; 4]. Особое внимание исследователями уделяется рассмотрению структуры музейной сети как системы, позволяющей сохранять и актуализировать региональное наследие. Изучение ее структуры имеет важное значение для последующей работы отдельного музея, осознания его социокультурной функции и общественного предназначения [4, с. 22]. Поэтому определение места и значения музеев отдельных профилей, типов не представляется возможным без структурного описания и анализа существующей музейной сети региона.

В Алтайском крае существует сложившаяся музейная сеть, включающая в себя различные музеи. Музеи учреждений начального профессионального образования (НПО) края, яв-

ляясь социокультурными учреждениями, в своей деятельности, также как и другие музеи, зависят от масштаба своих коллекций, типа, вида и профиля. Для того, чтобы нагляднее представить место музеев учреждений НПО в музейном пространстве региона, следует рассмотреть и сравнить различные классификационные подходы, существующие в настоящее время в ученом мире.

Следует отметить, что в нашей стране классификация музеев традиционно осуществляется по нескольким направлениям, различающимся по организационным, правовым и содержательным признакам, существенным для создания и «развития музейной сети и для всей музейной деятельности» [5, с. 21].

В соответствии с этими направлениями, музеи подразделяются по принадлежности, профильным группам, масштабу деятельности, статусу и типам. В конце 1980-х гг. Д.А. Равинович введено в научный оборот новое основание для клас-

сификации: доминантный тип хранимых музеем памятников. Соответственно появилось разделение на коллекционные и ансамблевые музеи [5, с. 20].

К традиционной группе, формируемой по признаку принадлежности, в которую прежде входили государственные, ведомственные и общественные музеи, в последнее десятилетие добавились новые типы музеев: муниципальные, церковные, частные. Если основываться на данной классификации, то в Алтайском крае существует сложившаяся музейная сеть. Она включает государственные музеи – Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ), Государственный художественный музей Алтайского края (ГХМАК), Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИиКА), Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина, Алтайский государственный мемориальный музей Г.С. Титова [6, с. 9].

В Алтайском крае также работает значительная группа ведомственных музеев. В их числе – Музей МУП «Горэлектротранс», Музей истории Алтайского отделения Западно-Сибирской железной дороги, Музей локомотивного депо г. Барнаула, Центр противопожарной пропаганды и общественных связей МЧС России по Алтайскому краю [7, с. 13, 14].

В рамках данной схемы классификации необходимо рассмотреть и общественные музеи. Конечно же, применительно к музеям определение «общественный» носит условный характер. Происхождение понятия «общественный музей» связано с развитием его деятельности «на общественных началах», т.е. не оплачиваемой, и деятельностью общественных организаций в сфере культуры. Оно было законодательно введено в 1978 г. Типовым положением о музее, работающем на общественных началах, определяющим его как «музей, работающий на общественных началах, создающийся по инициативе и при непосредственном участии трудящихся» [8, с. 1, 2]. Они находились на «учете в местных органах культуры и работали под научно-методическим руководством государственных музеев» [8, с. 2].

Данные, представленные в различных справочниках, путеводителях, периодической печати позволяют утверждать, что форма общественного музея в регионе и сегодня достаточно жизнеспособна. И, не случайно, в последние годы в Алтайском крае создан ряд новых музеев в школах (музей «Русская изба» МОУ «Лицей «Сигма»), в школах искусств (детский этнографический музей детской школы искусств «Традиция»). Возрождаются музеи, которые ранее существовали и действовали в различных учреждениях и промышленных предприятиях (музей истории Шинного завода, музей истории Бийского химкомбината) [9].

Отнести рассматриваемые нами музеи учреждений НПО к общественным, мы можем на основании нормативно-правовых актов, регламентирующих их деятельность. Организационным документом для них является «Положение об общественном музее учреждений начального профессионального образования» [10]. По «Положению» данные музеи создаются по инициативе общественности и действуют на общественных началах. Они имеют руководителя, назначаемого директором учебного заведения, совет музея и актив из числа обучающихся в учреждении начального профессионального образования [10, с.3]. Следует отметить, что в Алтайском крае пока не решена проблема учета общественных музеев. И, как следствие – разобщенность данных о них, отсутствие четко выработанных конкретных признаков.

В конце 1990-х гг. в терминологический оборот входит новое понятие «муниципальный» музей [11, с. 7]. Этот статус приобрели музеи, созданные на общественных началах, и действующие при местных органах власти, финансируемые ими и зарегистрированные в налоговых органах. В связи с процессом образования муниципалитетов, данные музеи стали муниципальными. Количество таких музеев за последние годы заметно возросло; в основном они возникли в результате пе-

репрофилирования общественных музеев или возрождения закрытых музеев. Подтверждением вышесказанному является то, что в Алтайском крае их численность возросла с 51 в 2007 г. до 63 в 2009 г. [6, с. 5]. Данные музеи находятся в управлении местной администрации и достаточно тесно связаны с местным сообществом, которое активно участвует в комплектовании их фондов и просветительной деятельности [9].

После принятия в 1995 г. Правительством РФ Постановления «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения» в стране стали создаваться церковные музеи [12, с. 3]. В последние годы и на Алтае были созданы церковные музеи (Музей истории Православия на Алтае, филиал Музея истории Православия на Алтае при Иоанно-Кронштадтском женском монастыре, Музей истории Алтайской духовной миссии). Они существуют в основном на добровольные пожертвования и средства, выделяемые Патриархией [13, с. 1].

В к. XX – н. XXI вв. в регионе стали складываться условия для организации частных музеев, то есть музеев, в основе которых лежат собрания, принадлежащие частным лицам, но доступные широкой публике для изучения и осмотра, например, музей «Мир времени» в г. Барнауле [14, с. 27].

Основополагающим признаком следующей классификации – по профилю – выступает связь музея с конкретной наукой или видом искусства, техникой, производством и его отраслями. Эта связь прослеживается в составе фондов музея, в тематике его научной, экспозиционной и культурно-образовательной деятельности [15, с. 532].

Заметим, что история музейного дела России – это история развития профилей музеев, которая продолжается и в настоящее время. В данном исследовании мы будем учитывать основные сложившиеся профильные группы музеев: исторические, художественные, литературные, музыкальные и театра, естественно-научные, науки и техники, промышленные, педагогические, комплексные музеи [15, с. 532].

В настоящий период музейная сеть Алтайского края включает в себя такие основные профильные группы музеев, как исторические (Исторический музей города-курорта Белокуриха, Волчихинский районный исторический музей), художественные (ГХМАК, Павловский историко-художественный музей им. Г.Ф. Борунова), литературные (к данному профилю следует отнести ГМИЛИиКА, музей Е.Г. Гущина), педагогические (Музей истории развития образования г. Барнаула), а также комплексные (краеведческие) – АГКМ, МУК Бийский краеведческий музей [9]. Наиболее значительными в количественном отношении являются историко-краеведческие музеи. В 2009 г. их насчитывалось более 47 (Змеиногорский, Мамонтовский, Славгородский, Шелаболихинский музеи и др.) [6, с. 5].

В первое десятилетие XXI в. в крае появились узкопрофильные музеи, то есть музеи, которые посвящены какому-либо одному природному или бытовому явлению, например, Музей редкой книги, открытый на базе Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева, Музей камня в Барнауле [16]. Мемориальные музеи представлены Алтайским государственным мемориальным музеем Г.С. Титова и Всероссийским мемориальным музеем-заповедником В.М. Шукшина [17].

Музеи учреждений НПО Алтайского края, также как и другие, могут быть различными по профилю: «историческими, художественными, техническими, мемориальными и т.д.», что определено в «Положении об общественном музее учреждений НПО» [10, с. 2]. Отметим явное преобладание в количественном отношении (23 из 28), музеев исторического профиля, к которым можно отнести музеи истории учебного заведения (профессиональных училищ и лицеев) – 17. В военно-исторических музеях – музеях боевой славы (4), хранятся материалы о жизни и подвигах земляков на фронте и в тылу

Великой Отечественной войны, об отдельных родах войск, дивизий (музеи ПУ №№ 33,42) [18, с. 1; 19, с. 2]. Как исторические профилируются и этнографические музеи. В училищах края функционирует два этнографических музея (в училищах № 16 г. Барнаула, № 34 г. Бийска) [20, с. 1]. На современном этапе музеи учреждений НПО края в отчетах о работе семь музеев определяют свой профиль как краеведческий, два – как историко-краеведческий [19, с. 2].

Заметим, что выбор профиля музея, по существу, определяет цели и методики реализации его документирующей функции, составляет основу концепции музея [15, с. 533]. Специфика музеев учреждений НПО, как показало изучение их деятельности, заключается в том, что, создаваемые в процессе творчества учащихся и педагогов, они, во всяком случае, формально свободны от жесткого контроля со стороны государственных органов [10, с. 2].

Музеи профессиональных училищ могут соответствовать какому-то профилю лишь частично, сочетать несколько профилей или изменять профиль по мере развития своей деятельности. Поэтому не следует воспринимать профиль музея, как некую жесткую конструкцию, за рамки которой нельзя выходить. Данное утверждение подтверждает факт изменения профилей в ходе развития музеев учреждений НПО. Так, в 1970-е – 1980-е гг. училищные музеи Алтайского края организовывались как историко-революционные и военно-исторические, что отвечало требованиям военно-патриотического воспитания в учебном заведении [21, л. 24]. С середины 1990-х гг. внимание многих руководителей данных учреждений и работающих предприятий края было обращено к своим истокам: истории основания и развития. Этот интерес был не случаен и обусловлен объективными причинами: процессами, которые происходили в российском обществе, в образовании и культуре, в частности, изменением учебных и воспитательных задач учреждений НПО [22, л. 11]. Результатом стало создание музеев истории образовательных учреждений, которые в этот период были максимально приближены к своим педагогическим и ученическим коллективам и заполнили вакуум, образовавшийся в воспитательной работе, в каналах передачи исторической традиции и профессионального мастерства [23, л. 7].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что специфической особенностью музеев училищ, во всяком случае, большинства из них, является краеведческий характер реализации документирующей функции.

Итак, определение профиля – необходимое условие создания и развития училищного музея, которое должно четко определяться в учредительных документах (например, в уставе) [24, с. 4]. Об этом приходится говорить, так как интерес к созданию музеев часто приводит к комплектованию их фондов из разнородных предметов, относящихся к разным отраслям знания. И как результат – нередко появляются бессистемные собрания. Выбор профиля музея, его тематики определяется, исходя из учебно-воспитательных задач учреждения НПО. Кроме того, решая вопрос о профиле, необходимо учитывать и возможности комплектования фондов создающегося музея подлинными памятниками, на которых будет основываться его работа. Немаловажное значение имеют и интересы учащихся, преподавателей, мастеров, местной общественности [24, с. 3].

Вопрос определения профилей общественных музеев, к которым выше мы отнесли музеи УНПО, остается не решенным. Дело в том, что подобная классификация не может рассматриваться как научная постольку, поскольку она не указывает «основание деления, что приводит к смешению понятий, не позволяет установить логически обоснованные связи между различными типами музеев» [11, с. 4]. Такая точка зрения обоснована также существованием различных способов и подходов к выделению в структуре общественных музеев различных профильных групп. Например, В.Е. Тумановым

музеи подразделяются по профилю: естественно-научные, науки и техники, исторические, художественные, народного искусства, литературные [25, с. 156]. В таком контексте следует согласиться с М.Б. Гнедовским, который подчеркивает, что «никакая классификация музеев не может быть универсальной». Если какое-то явление в музейном деле не «умещается в рамках той или иной классификации», не следует «подгонять его под существующую схему», «поскольку в нем заключается резерв развития музейной сети» [26, с. 52].

Наряду с профильной классификацией используется и не совпадающее с ней типологическое деление музеев, например, по признаку общественного назначения музеев. Подобное разделение отмечено еще в работах Ф.К. Шмита [27]. На современном этапе, в соответствии с таким делением, учитывая предшествующий опыт, выделяются научно-исследовательские, научно-просветительные и учебные музеи [15, с. 643].

Музеи научно-просветительного типа являются самой распространенной группой среди музеев Алтайского края [17]. Их социокультурные задачи связаны как с научно-исследовательской деятельностью, так и с передачей полученных в ходе этой работы знаний широкой общественности. Примером могут быть такие музеи, как АГКМ, ГХМАК, ГМИИиКА, МУ «Музей «Город» и др.

Музеи научно-исследовательского типа характеризуются большим вниманием и подчиненностью деятельности и задачам той области знаний, с которой профильно связан музей. В Алтайском крае музеи данного типа пока не обнаружены. Тем не менее, некоторые исследователи (Л.Г. Самойленко, М.Ю. Юхневич) [28; 29] обращают внимание на тот факт, что, например, университетские музеи призваны обеспечивать не только наглядность преподавания, но, в первую очередь, выполнять научно-исследовательскую функцию, так как учебный процесс в университетах (и в других вузах) неразрывно связан с научно-исследовательской деятельностью преподавателей и студентов, а коллекции этих музеев имеют не только учебную, но и научную ценность [29]. Учитывая вышесказанное, к музеям научно-исследовательского типа можно отнести музеи, созданные в высших учебных заведениях Алтайского края, например, Музей археологии и этнографии Алтайского государственного университета. Он является базой для научных исследований в археологии, этнографии и других смежных дисциплин [30, с. 145].

В соответствии с такой типологией, музеи учреждений НПО Алтайского края, безусловно, являются учебными музеями. Отметим, что некоторые исследователи предлагают музеи, созданные при общеобразовательных школах, техникумах, профессиональных училищах, а также при вузах, объединять в одну группу и называть их музеями образования. Аргументом в пользу выделения данного типа музеев, по мнению М.Ю. Юхневич, может быть их преимущественная ориентация на решение образовательных задач, которым подчиняются все остальные, их обращение к конкретной узкой аудитории [28, с. 35]. В Алтайском крае в первое десятилетие XXI в. значительно возросло количество учебных музеев, в первую очередь, школьных. Так, в 2006 г. их насчитывалось 195, а в 2007 г. – 209 [31]. Количество рассматриваемых нами музеев учреждений НПО также увеличилось за 2000 – 2007 гг. с 18 до 26 [32, с. 2]. На современном этапе главное назначение учебных музеев училищ и лицеев – обеспечить «наглядность и предметность процессу образования и профессиональной подготовки» [10, с. 1].

Следует отметить, что типология по признаку общественного назначения носит достаточно условный характер, и жесткой грани между названными типами не существует. Научно-просветительные музеи используются в учебном процессе, а их собрания – в научных целях [33, с. 59]. Многие научные и учебные музеи посещают не только учащиеся и специалисты, но и широкая публика.

Заметим, что в структуре учебных музеев (или музеев образования) также имеются особые типологические группы. Так, среди учебных музеев как особую типологическую группу выделяют монографические музеи. Исследователь Ю.Б. Яхно, рассматривая деятельность учебных, а конкретно, школьных музеев, делает вывод о том, что данные музеи могут быть монографическими. Такие музеи посвящены, как правило, конкретным воинским соединениям или военным событиям [34]. Если придерживаться данного утверждения, то к монографическим учебным музеям можно отнести музей боевой славы 17-го гвардейского стрелкового полка, 5 гвардейской стрелковой дивизии, который работает в ПУ № 33 г. Барнаула [18, с. 1].

В основе другой типологии – деление по такому признаку, как способ осуществления музеями функции документирования. В соответствии с такой типологией выделяют музеи коллекционного и ансамблевого типов [33, с. 60]. Деятельность музеев ансамблевого типа базируется в первую очередь на ансамблях недвижимых памятников архитектуры, истории, природы [17]. В Алтайском крае они представлены Всероссийским мемориальным музеем-заповедником В.М. Шукшина, Алтайским государственным мемориальным музеем Г.С. Титова [17]. Музеи коллекционного типа строят свою деятельность на основе традиционного собрания и презентации вещественных, письменных, изобразительных материалов. Отметим, что в 2009 г. фонды государственных музеев и картинных галерей края составили 654,4 тыс. ед. хр. На современном этапе фонд музеев учреждений НПО Алтайского края, как показал анализ статистических данных, состоит из движимых материальных предметов количеством 19 тыс. 800 ед. хр. [19, с. 3], что позволяет отнести их к музеям коллекционного типа.

Более точно помогает определить место музеев учреждений НПО в музейной сети Алтайского края другие принципы классификации, не совпадающие ни с профильным делением, ни с типологией, например, классификация музеев по масштабу деятельности (по связи с определенной территорией). Учитывая принципы данной классификации, на территории Алтайского края функционируют краевые музеи (ГХМАК, АГКМ и др.), и местные музеи (городские, районные, сельские). Отчеты 2009 – 2010 гг. показывают, что 42 училищных музея находились в ведении администраций районов и городов, 9 – в ведении администраций сельских и городских поселений [6, с. 5]. Применяя данную классификацию, следует учитывать связь музеев учреждений НПО с определенной территорией, так как они находятся в структуре городских или сельских учебных заведений. Применение вышеизложенного принципа деления позволяет автору отнести музеи УНПО к местным и определить их географическую локализацию. Среди них можно выделить 15 городских (в Барнауле, Бийске, Алейске, Рубцовске, Заринске, Змеиногорске, Камне-Оби), в ведении администрации районов находятся – 3 музея (в ПУ №№ 6, 54, 82), в ведении сельских поселений – 10 (музеи в ПУ Тальменского, Егорьевского, Благовещенского, Алтайского, Зонального и др. районов) [19, с. 4]. В то же вре-

мя такая классификация достаточно условна, так как, например, понятие «местный» может включать в себя как музеи регионального, так и местного значения» [11, с. 5].

При изучении места музеев учреждений НПО в структуре музейной сети Алтайского края можно применить классификацию по статусной позиции (по принципу места в иерархии, определяющему набор прав и обязанностей), которая наиболее динамична [15, с. 273]. В настоящее время к данному классу относятся музеи, имеющие статус головных музеев и музейных объединений. Если использовать данную классификацию, то Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ) является краевым методическим центром – здесь проводятся семинары и консультации для сотрудников краеведческих музеев, формируется банк данных «В музеях края», хранятся данные государственной статистической отчетности. В крае актуальным является создание проектов филиалов музеев, например, планируется организация филиала АГКМ – мемориального музея М.Т. Калашникова, выдающегося конструктора стрелкового автоматического оружия [17].

На современном этапе к музеям учреждений НПО не представляется возможным применить данную классификацию в полной мере. Однако, следует отметить, что в 1984 – 1986 гг. Краевым управлением профтехобразования в «Плане мероприятий» было рекомендовано «расширить сеть музеев истории профтехобразования как центров трудового воспитания, пропаганды рабочих профессий и профессиональной ориентации учащихся» и «подготовить материалы для создания музея истории ПТО в Алтайском крае в 1984 – 1986 гг. С 2000 г. администрацией училища № 20 г. Барнаула был разработан проект музея истории профессионально-технического образования Алтайского края, который определялся как научно-методический и головной центр музеев учреждений НПО края [35, л. 24]. С 2006 г. в крае проходила реализация данного проекта на базе училища № 38 г. Барнаула. В результате, в 2010 г. в ПУ № 38 был открыт музей истории начально-профессионального образования в Алтайском крае [16]. Поэтому на современном этапе существуют предпосылки создания многоуровневой структуры – музейной сети учреждений НПО: первый уровень – Федеральный музей профессионального образования как головной центр музеев учреждений НПО [10, с. 1], второй уровень – музей истории профессионального образования (на базе ПУ №38 г. Барнаула), третий уровень – музеи учреждений НПО городов и районов Алтайского края.

Таким образом, музейная сеть Алтайского края представляет собой сложную структуру, отличающуюся динамизмом. Музеи учреждений НПО Алтайского края включены в структуру этой сети, являются источником ее пополнения и развития.

Использование различных классификационных подходов при всей их условности позволяет определить музеи учреждений НПО как общественные учебные музеи, имеющие подвижный профильный состав. Размещение данных музеев в учреждениях НПО городов и районов края способствует сохранению и популяризации профессиональных традиций.

Библиографический список

1. Анализ состояния и развития музейной сети как предпроектная стадия разработки целевых региональных программ развития музейного дела: (на примере Нечерноземной зоны РСФСР): науч.-практ. рекомендации / сост. Н.Р. Павлова, А.И. Фролов. – М., 1987.
2. Лещенко, А. Проблемы становления музееведческой терминологии на международном уровне // Музей. – 2009. – № 5.
3. Филатова, А.Л. Музей как феномен социокультурного пространства российской провинции: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Саранск, 2000.
4. Чувилова, И. Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. – 2009. – № 5.
5. Равикович, Д.А. Социальные функции и типология музеев // Музееведение. Вопросы теории и методики: сб. науч. тр. – М.: НИИ культуры, 1987.
6. Учреждения культуры и искусства Алтайского края в цифрах и фактах: год 2009. Информационно-аналитический сборник. – Барнаул: Управление Алтайского края по культуре и архивному делу, 2010.
7. Музейная ночь. Программа. – Барнаул: Управление Алтайского края по культуре и архивному делу, 2010.

8. Типовое положение о музее, работающем на общественных началах. Утверждено Министерством культуры СССР 12 апреля 1978 г. // Музей на общественных началах. – М.: Профиздат, 1985.
9. Управление Алтайского края по культуре и архивному делу [Э/р]. – Р/д: <http://www.culture22.ru>.
10. Положение об общественном музее учреждений начального профессионального образования субъектов Российской Федерации. – М.: Центральный музей ПО МО РФ, 2002.
11. Будюкина, Н.Н. Общественные музеи в культурной жизни Тамбовской области в 1970 – 90-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2005.
12. Постановление Правительства РФ N 248 «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения»: утверждено 14 марта 1995 // Российская газета. – 1995. – № 58. – 23 марта.
13. Музей истории Православия на Алтае. Путеводитель. – Барнаул: Русская православная церковь; Московский патриархат; Барнаульская епархия, 2008.
14. Музейная ночь. Программа. – Барнаул: Управление Алтайского края по культуре и архивному делу, 2009.
15. Большая Российская энциклопедия музеев, частных собраний и коллекций. – М.: Прогресс: РИПОЛ классик, 2009.
16. Информационный портал Барнаула и Алтайского края [Э/р]. – Р/д: news.barnaul-altai.ru
17. ГИВЦ Минкультуры РФ. Официальный сайт. Информация о развитии музейной сети Алтайского края. Паспорт культурной жизни. Алтайский край. Музейное дело. 2010 г. [Э/р]. – Р/д: <http://givr.ru>.
18. Музей ПУ № 33. Отчет о работе за 2009 г. – Барнаул, 2010.
19. Отчет о деятельности музеев учреждений НПО. – Барнаул: АКЦИЮТ, 2009.
20. Музей ПУ № 16. Отчет о работе за 2008 г. – Барнаул, 2009.
21. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф.Р – 631. Оп. 5. Д. 765.
22. ГAAK. Ф.Р. – 573. Оп. 5. Д. 3247.
23. ГAAK. Ф.Р. – 573. Оп. 5. Д. 3174.
24. Основные проблемы управления музеем в современных условиях // Методические рекомендации для муниципальных музеев комплексного типа. – Омск: ОГИКМ, 2002.
25. Туманов, В.Е. Общественные музеи // Музейное дело в СССР. Музейная сеть и проблемы ее совершенствования на современном этапе: сб. науч. тр. – М.: ЦМР СССР, 1975.
26. Гнедовский, М.Б. Анализ музейной сети и проблема классификации музеев // Музейное дело в СССР. Музейная сеть и проблемы ее совершенствования на современном этапе: сб. науч. тр. – М.: ЦМР СССР, 1985.
27. Шмит, Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. – Л.: Academia, 1929.
28. Юхневич, М.Ю. Педагогические, школьные и детские музеи дореволюционной России. – М.: Наука, 1990.
29. Самойленко, Л.Г. Учебные музеи Киевского национального университета имени Шевченко: феномен культуры или науки? [Э/р]. – Р/д: <http://www.history.odessa.ru>
30. Олейник, Т.Е. История музеев высших учебных заведений Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4-2(64).
31. Система образования Алтайского края на пути модернизации. Реализация приоритетного национального проекта «Образование» [Э/р] / 03.05. 2011. – Р/д: <http://www.edu2008.websib>
32. Информация о состоянии работы в музеях ОУ НПО. 2005 – 2009 гг. – Барнаул: АКЦИЮТ, 2009.
33. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – 2009. – № 5.
34. Яхно, Ю.Б. Школьный музей как составляющая открытого образовательного пространства // Школа: день за днем: пед. альманах. Официальный сайт отдела образования администрации Центрального района г. Новосибирска [Э/р]. – Р/д: <http://www.den-za-dnem.ru>
35. ГAAK. Ф.Р. – 1806. Оп. 1. Д. 43.

Bibliography

1. Analiz sostoyaniya i razvitiya muzejnoy seti kak predproektnaya stadiya razrabotki celevikh regionalnykh programm razvitiya muzejnogo dela: (na primere Nечernozemnoy zoni RSFSR): nauch.-prakt. rekomendacii / sost. N.R. Pavlova, A.I. Frolov. – М.: [b. i.], 1987.
2. Lethenko, A. Problemih stanovleniya muzevedcheskoy terminologii na mezhdunarodnom urovne // Muzej. – 2009. – № 5.
3. Filatova, A.L. Muzej kak fenomen sociokulturnogo prostanstva rossiyskoy provincii: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. – Saransk, 2000.
4. Chuvilova, I. Klassifikaciya muzeev i problemih naslediya // Muzej. – 2009. – № 5.
5. Ravikovich, D.A. Socialnihe funkcii i tipologiya muzeev // Muzevedenie. Voprosih teorii i metodiki: sb. nauch. tr. – М.: NII kul'turih, 1987.
6. Uchrezhdeniya kul'turih i iskusstva Altajskogo kraja v cifrah i faktakh: god 2009. Informacionno-analiticheskij sbornik. – Barnaul: Upravlenie Altajskogo kraja po kul'ture i arkhivnomu delu, 2010.
7. Muzejnaya nochj. Programma. – Barnaul: Upravlenie Altajskogo kraja po kul'ture i arkhivnomu delu, 2010.
8. Tipovoe polozhenie o muzee, rabotayutem na obhtestvennikh nachalakh. Utverzhdeno Ministerstvom kul'turih SSSR 12 aprelya 1978 g. // Muzej na obhtestvennikh nachalakh. – М.: Profizdat, 1985.
9. Upravlenie Altajskogo kraja po kul'ture i arkhivnomu delu [Eh/r] / 03.05.2011. – R/d: <http://www.culture22.ru>.
10. Polozhenie ob obhtestvennom muzee uchrezhdenij nachalnogo professionalnogo obrazovaniya sub'hektov Rossiyskoy Federacii. – М.: Centralnij muzej PO MORF, 2002.
11. Budyukina, N.N. Obhtestvennihe muzei v kul'turnoj zhizni Tambovskoy oblasti v 1970 – 90-e gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Tambov, 2005.
12. Postanovlenie Pravitel'stva RF N 248 «O poryadke peredachi religioznih obhjedineniyam odnosyategosya k federalnoj sobstvennosti imuthestva religioznogo naznacheniya»: utverzhdeno 14 marta 1995 // Rossiyskaya gazeta. – 1995. – № 58. – 23 marta.
13. Muzej istorii Pravoslaviya na Altae. Putevoditelj. – Barnaul: Russkaya pravoslavnaya cerkovj; Moskovskij patriar-khat; Barnaulskaya eparkhiya, 2008.
14. Muzejnaya nochj. Programma. – Barnaul: Upravlenie Altajskogo kraja po kul'ture i arkhivnomu delu, 2009.
15. Bol'shaya Rossiyskaya ehnciklopediya muzeev, chastnikh sobranij i kollekcij. – М.: Progress: RIPOL klassik, 2009.
16. Informacionnij portal Barnaula i Altajskogo kraja [Eh/r] / 03.05. 2011. – R/d: news.barnaul-altai.ru
17. GIVC Minkul'turih RF. Oficialnij sayjt. Informaciya o razvitii muzejnoy seti Altajskogo kraja. Pasport kulj-turnoj zhizni. Altajskij kraj. Muzejnoe delo. 2010 g. [Eh/r] / 03.05. 2011. – R/d: <http://givr.ru>.
18. Muzej PU № 33. Otchet o rabote za 2009 g. – Barnaul, 2010.
19. Otchet o deyatel'nosti muzeev uchrezhdenij NPO. – Barnaul: AKCDYuT, 2009.
20. Muzej PU № 16. Otchet o rabote za 2008 g. – Barnaul, 2009.
21. Gosudarstvennij arkhiv Altajskogo kraja (GAAK). F.R – 631. Op. 5. D. 765.
22. GAAK. F.R. – 573. Op. 5. D. 3247.
23. GAAK. F.R. – 573. Op. 5. D. 3174.
24. Osnovnihe problemih upravleniem muzeem v sovremennikh usloviyakh // Metodicheskie rekomendacii dlya municipalnykh muzeev kompleksnogo tipa. – Омск: ОГИКМ, 2002.

25. Tumanov, V.E. Obshchestvennye muzei // Muzejnoye delo v SSSR. Muzejnaya seti i problemih ee sovershenstvovaniya na so-vremennom eh-tape: sb. nauch. tr. – M.: CMR SSSR, 1975.
26. Gnedovskiy, M.B. Analiz muzejnoy seti i problema klassifikatsii muzeev // Muzejnoye delo v SSSR. Muzejnaya seti i problemih ee so-vershenstvovaniya na sovremennom eh-tape: sb. nauch. tr. – M.: CMR SSSR, 1985.
27. Shmit, F.I. Muzejnoye delo. Voprosih ehkspozitsii. – L.: Academia, 1929.
28. Yuhnevich, M.Yu. Pedagogicheskie, shkolniye i detskie muzei dorevolucionnoy Rossii. – M.: Nauka, 1990.
29. Samoylenko, L.G. Uchebnye muzei Kievskogo nacionalnogo universiteta imeni Shevchenko: fenomen kul'turih ili nauki? [Eh/r] / 03.05. 2011. – R/d: <http://www.history.odessa.ru>
30. Oleynik, T.E. Istoriya muzeev vishshikh uchebnykh zavedeniy Altajskogo kraja // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 4-2(64).
31. Sistema obrazovaniya Altajskogo kraja na puti modernizatsii. Realizatsiya prioritetnogo nacionalnogo proekta «Ob-razovanie» [Eh/r] / 03.05. 2011. – R/d: <http://www.edu2008.websib>
32. Informatsiya o sostoyanii rabotih v muzeyakh OU NPO. 2005 – 2009 gg. – Barnaul: AKCDYuT, 2009.
33. Slovar' aktualnykh muzejnykh terminov // Muzej. – 2009. – № 5.
34. Yakhno, Yu.B. Shkolniy muzej kak sostavlyayutaya otriknutoy obrazovatel'nogo prostranstva // Shkola: den' za dnem: ped. aljmanakh. Oficialniy sayt otдела obrazovaniya administratsii Central'nogo rayjona g. Novosibirsk [Eh/r] / 03.05. 2011. – R/d: <http://www.den-za-dnem.ru>
35. GAAK. F.R. – 1806. Op. 1. D. 43.

Статья поступила в редакцию 01.06.11

УДК 130:261

Poljakova E.A. TOBOLSK CHURCH STORAGE: FORMATION AND DEVELOPMENT HISTORY. Here in the article the author considers history of creation and development of the first church museum on the territory of Western Siberia – the Tobolsk church storage. Preconditions of creation of a museum are analyzed in a context of the measures directed on protection of monuments of church olden time of boundary XIX-XX centuries. Reconstruction of activity of a museum century is made within the limits of the church policy and against the historical validity of the first quarter of the XX century.

Key words: Tobolsk church storage, Tobolsk Diocesan Brotherhood, church museum, preservation of monuments, church historical and archaeological society.

Е.А. Полякова, канд. культурологии, доц. АлтГАКИ, г. Барнаул, E-mail: elena2873@mail.ru

ТОБОЛЬСКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

В данной статье автор рассматривает историю создания и развития первого церковного музея на территории Западной Сибири – Тобольского церковного древлехранилища. Предпосылки создания музея анализируются в контексте мер, направленных на охрану памятников церковной старины рубежа XIX-XX вв. Реконструкция деятельности музея производится в рамках церковной политики и на фоне исторической действительности первой четверти XX в.

Ключевые слова: Тобольское церковное древлехранилище, Тобольское Епархиальное Братство, церковный музей, охрана памятников, церковное историко-археологическое общество.

История становления первого на территории Западной Сибири церковного древлехранилища связана с популярными на тот момент в стране мерами по сохранению памятников. Начало памятникоохранительной деятельности в России связывают с петровскими реформами XVIII века, но система государственных органов охраны памятников сформировалась только к середине XIX в. По инициативе А.С. Уварова в 1864 г. было основано Императорское Московское археологическое общество, способствовавшее появлению сначала светских, а затем и церковных историко-археологических обществ и комиссий по всей территории России. На территории Тобольской губернии такого общества не существовало, но в г. Тобольске в 1890 году было основано Тобольское Епархиальное Братство святого великомученика Димитрия Солунского (далее ТЕБ). Согласно Уставу, одной из важных задач Братства была работа «о приведении в известность и сохранении вещественных памятников церковной старины, имеющих в церк-вах Тобольской епархии или у частных лиц, а также поощре-нии трудов, изысканий по изучению истории и современного состояния Церкви в Тобольской епархии» [1, с. 62]. Совет Братства разработал специальную программу для исследования церковных памятников и в 1899 г. разослал ее всем свя-щеннослужителям епархии с просьбой «доставлять сведения о таковых памятниках». Вскоре в Тобольск начали поступать запрашиваемые данные, которые в свою очередь стали приво-диться в единую систему. Совет Братства обратился в Тоболь-

скую Духовную Консисторию с ходатайством «сделать цир-кулярное распоряжение о тщательном сохранении веществен-ных памятников церковной старины, находящихся в пределах Тобольской епархии, строго воспретить таковые поновлять, исправлять, видоизменять, а тем более продавать или же со-всем уничтожать без ведома и согласия епархиального на-чальства» [2, с. 398].

Меры, предпринятые ТЕБ по сохранению церковных па-мятников, стали предпосылкой создания в городе Тобольске церковно-археологического музея. Любители церковной ста-рины начали ходатайствовать об основании в Тобольской епархии церковного древлехранилища, ссылаясь на пользу которую данные памятники принесут, будучи собранными «в одном определенном, общем месте». Главным инициатором создания церковного древлехранилища выступил Преосвя-щенный Антоний, епископ Тобольский и Сибирский. Осозна-вая значение и возможности церковно-археологического му-зея для Тобольской епархии, Преосвященный Антоний 8 сен-тября 1900 г. обратился в Совет Братства со следующим пред-ложением: «Так как по пункту Б §3 Устава Братства задачею Братства, между прочим, служит «распространение просве-щения в духе Православной Церкви», то сим предлагается Совету Братства войти в обсуждение того, не благовременно ли будет, приступить для означенной цели к устройству в г. Тобольске церковно-археологического музея, который бы знакомил посетителей с замечательными памятниками цер-

ковной старины и отчасти предохранял эти памятники от повреждения и разрушения» [2, с. 399]. Кроме того, епископ предложил и способ комплектования фондов будущего музея: «Так как Братством уже собраны сведения о замечательных памятниках церковной старины, имеющих при церквях епархии, то легко сделать основательный между ними выбор тех, которые более замечательны в церковно-археологическом отношении и, сделав выбор, просить Духовную Консисторию о присылке их в музей для хранения с исключением из церковных описей и с передачей их в собственность музею» [2, с. 399]. Совет Братства не только поддержал предложение, но и решил оказать материальную поддержку в ремонте и оборудовании помещения для будущего музея. 11 сентября 1900 г. Братство постановило «просить отца ректора Тобольской Духовной Семинарии, протоиерея П.Д. Головина, принять на себя организацию такого важного ... дела, как основание церковного древлехранилища» и написание его Устава [2, с. 399]. 23 марта 1901 г. протоиерей П.Д. Головин представил Его Преосвященству составленный им «Проект Устава церковного древлехранилища при Тобольском Епархиальном Братстве» и обратился с предложением о формировании Учредительного комитета, «который мог бы заняться окончательным редактированием «Проекта Устава» и избранием хранителя, казначая и секретаря» будущего музея. На заседании, состоявшемся 26 апреля 1901 г. Совет Братства решил «особой комиссии, проектированной о. ректором, не организовывать, а приурочить церковное древлехранилище всецело к ТЕБ на положении прочих учреждений Братства». В связи с этим, «Проект Устава» и был отредактирован Советом Братства и после его утверждения Преосвященнейшим Антонием, отправлен в установленном порядке в Святейший Синод для получения разрешительной резолюции. Синодальный обер-прокурор передал «Проект Устава» на рассмотрение в министерство внутренних дел, которое, в свою очередь, потребовало внести в устав ряд дополнений. Только после этого Свя. Синод своим указом от 13 ноября 1901 года определил: «Учредить при Тобольском Епархиальном Братстве... церковное древлехранилище и утвердить представленный в Свя. Синод Устав оногo» [2, с. 400].

Утверждение Устава имело очень большое значение, поскольку регламентировало его деятельность по отношению к обществу. Согласно утвержденного Устава (§2), целью древлехранилища было «ознакомление посетителей с замечательными памятниками церковной старины Тобольской епархии и предохранение как собранных в нем, так и известных на пространстве епархии памятников от повреждения и разрушения» [3, с. 5]. Анализ Устава позволяет выявить концепцию научного документирования и музейной коммуникации в первом западносибирском древлехранилище. В первой части документа, в §§3, 4, 6 оговаривалось, что древлехранилище имеет право сосредотачивать у себя церковную утварь, священные облачения, предметы церковного искусства, богослужебные книги и разного рода рукописи, что доказывает ориентированность музея на изучение и представление истории православия. Определенный интерес представляет §5 Устава, в котором говорится, что «археологические находки, поступающие в ЦД, относящиеся к доисторической эпохе, должны быть доставлены в подлинниках или фотокопиях в Императорскую Археологическую комиссию (ИАК) для рассмотрения, но с тем, чтобы таковые возвращались в церковное древлехранилище, как собственность. Древности, найденные в казенных или общественных землях, на основании действующих узаконений (1,6,10, 12 §§ Положения об ИАК Пол. Собр. Зак. 1859 г. 2 февраля №34109 и примечание 2 к ст. 539 т. X ч. I Св. Гражд. Зак. Изд. 1887 г. Т 1895 г.), также должны быть местными начальниками препровождены непосредственно в Археологическую Комиссию и при посредстве ее могут поступать в собственность ЦД» [3, с. 6]. Все это свидетельствует о централизованной государственной политике,

направленной на развитие археологической науки, сохранение и сосредоточивание различных типов памятников не только в столичных городах, но и в глубокой провинции.

Способы и условия комплектования были закреплены в §§7-11, в которых было оговорено, что «памятники церковно-исторической местной древности приобретаются пожертвованиями от церквей, монастырей, учебных и других епархиальных учреждений и частных лиц, а также меною или возвращением владельцу памятников материальной их ценности, по взаимному соглашению», «приобретение предметов для церковного древлехранилища от церквей, монастырей допускается с согласия причта и старосты, а также братии последних и не иначе как с особого на каждый предмет разрешения местного епархиального Архиерея, а при особой важности предмета, с разрешения Святейшего Синода» [3, с. 7]. Все расходы по приобретению памятников должны были вестись за счет средств древлехранилища.

В последних пунктах устава закреплялись нормы, которых должны были придерживаться сотрудники музея для обеспечения сохранности фондов: «Поступающие в ЦД предметы помещаются и хранятся в особых витринах соответственно роду древности, отдельно вещественные памятники от письменных, книги отдельно от архивных редкостей. ... Все вещественные предметы древности, хранящиеся в ЦД, как частным лицам, так и учреждениям не выдаются на руки, но письменные памятники и книги могут даваться в редком случае, по особому уважительным обстоятельствам, с разрешения епархиального Преосвященного, учебным или ученым учреждениям для научной работы» [3, с. 8]. Все предметы должны были фиксироваться в специальных описях «из коих одна фундаментальная, в ней все предметы древности записываются по системе, по отделам, а другая – дополнительная, содержащая предметы поступления в хронологическом порядке (описи должны быть прошнурованы и за надлежащей скрепой епархиального Преосвященного» [3, с. 9]. Примечательным является тот факт, что Братство планировало вести охранно-реставрационные мероприятия и для тех памятников, которые не вошли в фондовое собрание: «те памятники древности, кои не могут быть уступлены древлехранилищу, должны быть в особом внимании совета Братства. Так, реставрация древних церковных архитектурных сооружений, св. икон, стеной иконописи и прочего, должны производиться с ведома Совета Братства» [3, с. 7]. Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что Тобольское Епархиальное Братство святого великомученика Димитрия Солунского заинтересованно решало проблемы охраны и сохранности памятников православной истории и культуры.

Во второй части Устава (§§14-17) было прописано, кто и при каких обстоятельствах может стать почетным, действительным и непременным членом церковного древлехранилища. Так, лица «оказавшие особые услуги древлехранилищу или сделавшие единовременное пожертвование не менее 50 руб.» считались почетными членами, а «лица же уплачивающие ежегодно не менее 1 руб. или внесшие единовременно не менее 25 руб.» считались действительными членами. Непременными членами считались «отцы благочинные». Они были обязаны не только содействовать приобретению памятников старины, но главным образом на месте, в пределах своего района каждый, охранять таковые памятники, по возможности поступления их в церковное древлехранилище. (В обязанности благочинных входило раз в год отчитываться перед Советом Братства о состоянии памятников церковной старины своего благочиния). Непременным членом древлехранилища являлся ключарь Тобольского кафедрального собора, считающийся «заведующим ризницей» [3, с. 8].

Обозначенные в третьей части устава должностные обязанности сотрудников церковного древлехранилища позволяют выстроить иерархию отношений. В документе было оговорено, что «члены церковного древлехранилища не пользуются

правами членов Братства и не имеют участия в управлении делами» [3, с. 8]. В §18 указывалось, что «древлехранилище состоит в непосредственном заведывании Тобольского Епархиального Братства», а «ближайшее заведывание делами» возлагается на председателя, казначея и секретаря Братства (казначей осуществлял прием денежных пожертвований в пользу музея, ведение приходно-расходных книг и составление по ним годового отчета, а секретарь вел все делопроизводство). Кроме того, Советом Братства избирались хранитель церковного древлехранилища и его помощник, которые утверждались в этой должности, епархиальным Преосвященным, считавшимся покровителем музея [3, с. 9]. В обязанности хранителя входило принимать поступления и заносить их в описи; заботиться о благоустройстве церковного древлехранилища; допускать в установленные дни и часы «лиц, желающих рассматривать и изучать хранящиеся в нем предметы» [3, с.9]. Все члены древлехранилища пользовались правом бесплатного посещения «в установленные дни и часы, для чего должны были получать особые билеты [3, с. 8]. Хранитель древлехранилища должен был ежегодно составлять отчет о его состоянии «для доклада епархиальному Преосвященному и печатания в епархиальных ведомостях, в коих сверх сего помещаются каждый раз сведения о всех новых поступлениях и приобретениях памятников древности» [3, с. 9]. В примечании к этому разделу оговаривалось, что хранитель и его помощник обязательно должны быть в священном сане, в связи с тем, что в древлехранилище поступают предметы, «освященные употреблением при богослужении (потир, напрестольные кресты и пр.), коих мирянам не надлежит касаться, почему и для хранения сих предметов устраиваются особые витрины с крестами на оных и с соответствующими надписями» [3, с. 9].

Заканчивался устав пунктом о том, что в случае прекращения деятельности Тобольского Епархиального Братства, церковное древлехранилище в полном его составе передается «в ведение другого учреждения, по соглашению подлежащих ведомств и с разрешения Святейшего Правительствующего Синода» [3, с. 10].

В первом номере Тобольских епархиальных ведомостей за 1902 год председатель Братства протоиерей Н. Скосырев обосновал цель создания древлехранилища и от имени Совета обратился «с покорнейшею просьбой ко всем лицам, сочувствующим целям церковного древлехранилища, вступить в число почетных или действительных членов его или оказать ему свое содействие» [3, с. 12]. Утвержденный Св. Синодом от 24 октября – 5 ноября 1901 «Устав ЦД» был опубликован в количестве 300 экз. и разослан членам древлехранилища и всем желающим с просьбой помочь «или денежными средствами, или доставлением памятников церковной старины, которые в древлехранилище будут тщательно охраняться от хищений и порчи. Они наглядно будут представлять историю местной епархии, они будут пробуждать любовь к родному краю и желание заняться разборкой истории его». Здесь же говорилось, что все причты Тобольской епархии через Духовную Консисторию должны представить в совет Братства «более значительные памятники церковной истории или фотографии». Все это Братство или принимало в дар, или покупало «за известную плату по особому соглашению» [4].

Первым хранителем древлехранилища (согласно §§18-20 Устава) был избран и утвержден епископом Антонием преподаватель Тобольского епархиального женского училища, кандидат богословия, священник А.И. Юрьевский, а его помощником – дьякон кафедрального собора Е. Пельмский. В их обязанности входило прием и разборка поступающих на хранение материалов и запись «пока в хронологический каталог» [4]. По получении Синодального указа, Совет Братства начал свою деятельность по приготовлению помещения для церковного древлехранилища. Первоначально, когда мысль об учреждении музея только зарождалась, его экспозиции предпола-

гали разместить во флигеле Архиерейского дома, но постановлением Совета Братства от 26 апреля 1901 г. решено было «просить причт кафедрального собора уступить нижний этаж соборной ризницы, занятый консисторским архивом». Когда соответствующее разрешение было получено, то на средства Братства (530 руб.) стали проводиться ремонтные работы, контролируемые специальной комиссией во главе с протоиереем Н.Д. Скосыревым. В сентябре месяце 1902 года работы по отделке помещения были закончены, и началась новая работа «по приведению в порядок и распределению по местам предметов церковной старины, собранных на пространстве Тобольской епархии» [2, с. 401].

Торжественное открытие музея было приурочено ко дню Братского праздника – 26 октября (1902 г.) [4]. Хранитель древлехранилища А. Юрьевский произнес речь, в которой были озвучены планы на будущее, касающиеся как комплектования фондов, так и охраны памятников, а также определены перспективы научной деятельности по популяризации и развитию археологической науки и местного краеведения, предусматривавшие «изучение Тобольской епархии в ее историческом прошлом». Поднимая проблему сохранности церковных памятников на территории Тобольской епархии он отметил, что «многие церковные памятники пришли в преждевременную ветхость и разрушение от неумелого, неосторожного, а иногда и прямо небрежного обращения с ними. Как известно, многие старинные предметы валяются заброшенными и забытыми или в пыльных и сырых амбарах, или же на церковных чердаках среди всевозможного хлама и даже иногда под толстыми слоями голубиного помета. Помещенные же в церковное древлехранилище все таковые памятники найдут себе там и приличное место, и бережное обращение, и даже заботливый уход» [2, с. 407] и выразил надежду на дальнейшее пополнение музейных фондов при помощи церквей, монастырей и частных лиц поскольку «на территории епархии остается еще множество не собранных памятников церковной старины» [2, с. 405]. По его мнению, весь предложенный комплекс мер должен был самым наилучшим образом сказаться на просвещении народа «в духе Православной церкви» и повышении научного и культурного уровня людей, занимающихся научными исследованиями [2, с. 408].

Предложенный Его Преосвященством способ комплектования фондов церковного древлехранилища «оказался вполне целесообразным». Благодаря содействию духовной Консистории, со всех концов епархии на имя Совета Братства уже с начала 1902 года стали поступать самые разные типы памятников (вещественные, письменные и др.) церковной старины. Всего, поступивших ко дню открытия материалов числилось «908 номеров по хронологической описи». Основу фонда составила коллекция из 98 вещественных и 328 письменных источников переданных из ризницы кафедрального собора протоиереем Н.Д. Скосыревым. Общее количество материалов, зарегистрированных в древлехранилище ко дню его открытия, превзошло все ожидания: отведенное под музей помещение (1 комната) оказалось полностью заполненным экспонатами, а иконы и живописные портреты даже не могли вместиться полностью, поскольку потолки были сводчатыми и затрудняли развеску [2, с. 403].

Совет Братства, желавший скомплектовать достойное и полное фондовое собрание, принял решение приобретать копии важнейших документов, относящихся к учреждению Сибирской епархии, к управленческой деятельности архиепископов Киприана и Макария (эти документы находились в сборнике «Книга денежного стола № 11804», хранившегося в архиве Министерства юстиции) [4]. С точки зрения членов Братства, письменные памятники были важны не только как археологическая или палеографическая редкость, а как важный исторический источник. Эта работа по исследованию истории Тобольской епархии и распространению научных сведений среди духовенства и светской интеллигенции долж-

на была составить одну из наиболее важных задач древлехранилища. В связи с этим было запланировано издание «книжек исторического содержания» под общим заглавием «Тобольское Церковное Древлехранилище». Ответственным за составление был назначен хранитель А. Юрьевский, в полномочия которого входило право привлекать по своему усмотрению любых сотрудников. Первоначально статьи планировалось печатать в Тобольских епархиальных ведомостях, а по мере накопления материала отдельными изданиями.

Поступавшие в музей вещи, по мнению его сотрудников не были достаточно древними, но на это были объективные причины: «со времени покорения Сибири прошло только 320 лет, а от учреждения в Тобольске архиерейской кафедры и еще меньше». Но по количеству «именно церковных памятников, Тобольское церковное древлехранилище в ряду не многих учреждений этого рода ни в коем случае не может быть поставлено на последнее место». Как свидетельствует источник, до времени открытия ТЦД «на обширном пространстве нашего отечества существовало всего лишь 16 церковно-археологических музеев и древлехранилищ, причем одни из них и донныне едва влачат свое существование, а другие, если и считают количество имеющихся у них памятников целыми тысячами, то 9/10 этого количества приходится на монеты, медали и жетоны, т.е. на предметы мелкие и не церковного характера», а фонды тобольского древлехранилища полностью состояли из «памятников церковного характера» [2, с. 402].

23 марта 1903 г. при древлехранилище была организована Архивная комиссия. В ее состав вошли преподаватели духовной семинарии и женского епархиального училища, тобольское духовенство. Протокол заседания членов Архивной комиссии от 18 мая 1903 года свидетельствует, что на должность председателя была предложена кандидатура ректора семинарии, протоиерея П. Головина, а на должность делопроизводителя — хранителя древлехранилища, священника А. Юрьевского [5, с. 176]. 28 мая 1903 года резолюцией епископа Антония обе кандидатуры были утверждены [5, с. 180].

Основная причина создания данной комиссии — накопление в фондах древлехранилища значительного по объему и хронологическим рамкам массива документов, касающихся истории Тобольской епархии. В связи с этим, на одном из заседаний Совета Братства было принято решение об учреждении специального органа, в задачи которого входило бы изучение, систематизация и обработка уже имеющихся документов, а также продолжение сбора информации, касающейся истории церкви в архивах Тобольской духовной консистории, духовных учебных заведений, монастырей и приходах епархии. Результатом работы Архивной комиссии стали многочисленные авторские издания научно-исторического характера («Упраздненные монастыри Тобольского края», «Тобольская Духовная Семинария при ректоре Геннадии» и пр.), и публикация древних памятников духовной литературы Сибири («Сказание известно о чудеси и о явлении Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Присно Девы Марии» XVII в.), обнаруженных в результате научных изысканий. Работы членов комиссии печатались в «Тобольских епархиальных ведомостях», «Историческом вестнике» и «Русской старине» [5, с. 176-180]. За четырнадцать лет своего существования членами архивной комиссии был собран и систематизирован материал по истории Тобольской епархии и даже предпринята попытка создания летописи от времени основания епархии и до начала XX в. Но революция и осуществляемая в ее результате в течение долгих лет политика атеизма фактически уничтожили все плоды трудов Тобольской архивной комиссии.

Рассматривая первые годы существования музея нельзя обойти вниманием работу по обслуживанию посетителей. Первоначально древлехранилище было открыто для посещений один раз в неделю — по средам с 12 до 14 часов [4]. Впоследствии оно стало работать и по воскресеньям с 13.30 до 14.30 [6, с. 81], кроме того по индивидуальным просьбам посетители

допускались в музей и в прочие дни. Вход в музей был бесплатный, но «на видном месте» была поставлена кружка для добровольных пожертвований на нужды древлехранилища, а всем посетителям «были даваемы хранителем и его помощником посильные объяснения памятников со сведениями о древности, происхождении и значении и т.п.» [6, с. 81].

Древлехранилище существовало преимущественно на средства Тобольского Епархиального Братства и ежегодные членские взносы действительных членов (1 руб. с человека, итого 22 руб.) [6, с. 82]. Средства на «жалование хранителю» выделялись из прибыли типографии и переплетной Братства и составляли 180 руб. (за 1903), а средства «на канцелярские расходы архивной комиссии» выделялись из сумм, ассигнованных на разъезды помощников миссионеров и составляли 100 руб. [7, с. 162].

С 1909 года деятельность древлехранилища претерпевает некоторые изменения. В августе месяце заведующим музеем, вместо священника А. Юрьевского был назначен преподаватель женского епархиального училища П.М. Доброхотов. А. Юрьевский по-прежнему оставался членом церковного древлехранилища, но основная его деятельность была связана с Архивной комиссией, делопроизводителем которой он являлся [8, с. 97].

Анализ посещаемости музея, проведенный по данным ежегодных отчетов, показал, что: за период с 26 октября 1903 г. по 26 октября 1904 г. экспозиции осматрели 212 человек. Посетителями церковного древлехранилища «были большей частью воспитанники и воспитанницы разных учебных заведений и богомольцы», последние посещали церковное древлехранилище партиями по 7-13 человек [6, с. 80]. В числе первых посетителей древлехранилища был знаток финно-угорских наречий, магистр Гельсингфорского университета Артур Иванович Каннисто «пользовавшийся, с разрешения Пресвятейшего Антония, рукописями церковного древлехранилища. Магистр остановил свое внимание на двух рукописях: на вогульском переводе Евангелия (по хронологической описи № 328) и на остяцком переводе Наказа об инородцах (по хронологической описи № 332), и заметил, что перевод Евангелия на самом деле сделан не на вогульский, а на остяцкий язык, а Наказ, наоборот, на вогульский» [6, с. 81].

За последующие четыре года данными о посещаемости обнаружено не было, вероятно посетителей было мало, в связи с тем, что в холодные периоды года музей не мог их принимать из-за отсутствия отопления в помещении [8, с. 98]. В 1908-1909 году отопление было возобновлено, но музей посетило всего 46 человек, возможно, по причине длительной передачи фондов древлехранилища от прежнего хранителя к новому [8, с. 98]. В 1909-1910 году музей осматривали: на пасхальной неделе — 4, 5, 6 классы семинарии (75 человек); в июне — участники краткосрочных курсов церковного пения и церковно-славянского чтения и ученики церковно-приходских школ Тобольской епархии (87 человек); в течение летнего периода — паломники в Абалак (около 60 человек), итого около 220 человек [9, с. 341]. В течение следующего (1910-1911) отчетного года наблюдался спад количества посетителей до 163 чел. [10, с. 30].

Начиная с 1911-1912 братского года (братский год длился с октября по октябрь, данное исчисление было связано с датой празднования памяти святого великомученика Д. Солунского (26 октября), покровителя Братства) музеем руководит преподаватель семинарии Василий Рождественский. С этого же периода можно наблюдать некоторые изменения в графике работы музея, который открывался для посетителей в воскресные и праздничные дни. В связи с этим в последующие годы приток посетителей приходился на дни Великого поста и крупные церковные праздники, из чего можно заключить, что музей осматривали преимущественно приезжие паломники. Так, в продолжение Великого поста 1912 г. музей посетило 167 человек, а в обычные дни от 2 до 20 человек [11,

с. 168]. Во время Великого поста 1913 г. в музее побывало около 200 человек, а в остальное время года «посетителей было от 5 до 20 человек в воскресный день», причем это были преимущественно учащиеся (воспитанники семинарии, гимназии духовного и епархиального женского училищ) [12, с. 181-182]. Данный отчет был последним, в котором приводились конкретные данные о посещаемости. Так, в отчете 1914 г. было лишь сказано, что экспозиции музея осматривали старообрядцы «специально для этого приезжавшие из южных уездов Тобольской губернии – их интересовали старопечатные книги и старинные кресты» [13].

Несмотря на нестационарную посещаемость, музей был известен далеко за пределами не только своей губернии, но и Сибири. Весьма интересными, с точки зрения настоящего исследования представляются события 1912 г. 26 октября из столицы в Совет Братства поступило Отношение (за №3880) от Комиссии по устройству юбилейной художественно-исторической выставки в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых в Императорской Академии художеств. На этой выставке должны были быть представлены «картины, произведения ваяния и зодчества (в оригинальных рисунках или моделях, церковно-художественные предметы, (иконы, утварь, облачения, книги и пр.), медали, гравюры, грамоты, оружие, серебряные изделия и пр.)». В документе была оговорена цель выставки – «заинтересовать народные массы наступающим в феврале 1913 года историческим моментом и иллюстрировать важнейшие события в России за последние три столетия, преимущественно происшедшие при непосредственном участии членов Дома Романовых, выразить дух каждого царствования, представить личность каждого государя и членов царствующего дома и соответственно сему собрать художественные произведения и предметы работы этих эпох, группируя их на выставке по отдельным царствованиям» [12, с. 182]. Комиссия, «будучи уверена», что в Тобольском церковном древлехранилище «находятся произведения и предметы, принадлежащие членам Дома Романовых, пожертвованные ими или же вообще по времени исполнения относящиеся к той или иной эпохе из царствования этого Дома и представляющие художественно-исторический интерес» просила Тобольское епархиальное братство сообщить о них полные сведения с указанием авторства, размеров, способа приобретения (куплены или пожертвованы) и дать согласие на предоставление этих произведений на выставку. Совет Братства отправил Комиссии ответ, в котором сообщил, что предметы, иллюстрирующие историю Дома Романовых имеются и в фондах самого древлехранилища («серебряная чаша, дар царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану; деревянный, вызолоченный серебром посох патриарха Филарета, данный им архиепископу Киприану в 1621 г.» – все с дарственными надписями), и в ризнице кафедрального собора («Евангелие, печатанное в царствование Михаила Федоровича; крест серебряный под золотом с дарственной надписью Михаила Федоровича первому Тобольскому святителю Киприану; потир с дарственной надписью Михаила Федоровича первому Тобольскому святителю Киприану; посох камышовый, оттянутый темно-зеленым бархатом, подаренный патриархом Филаретом архиепископу Киприану; два больших серебряных ковша с дарственными надписями (жителям Тобольской губернии) Петра Алексеевича». [12, с. 183]. Комиссия прислала на имя Братства новое отношение, в котором помимо уведомления о переносе сроков выставки «ввиду сложности подготовительных работ» на декабрь 1913 г., содержалось сообщение, что «к указанному сроку, она (Комиссия) не замедлит воспользоваться ... художественными предметами, предлагаемыми ТЦД в качестве экспонатов для выставки и просит не отказать в дальнейшем столь полезном участии в устройстве этой выставки, призванной завершить торжество юбилейного года». Источник сообщает, что «Совет Братства, по требованию Комиссии, предметы, имеющиеся в

кафедральном соборе и ЦД и иллюстрирующие историю Дома Романовых, намерен выслать» [12, с. 184].

В 1913-1914 гг. положение древлехранилища ухудшилось: сырость и холод в помещении не только препятствовали нахождению в нем в течение длительного времени, но и разрушительно действовали на памятники, которые гнили и портились. Ввиду этого, хранитель вынужден был работать над систематическим описанием памятников дома, и уже к окончанию года почти полностью его завершил (им был описан самый богатый отдел старопечатных и рукописных книг и рукописей, который он предполагал опубликовать [14, с.105]. В отчете за 1914-1915 год ссылок на существенные улучшения в работе музея обнаружено не было, В. Рождественский лишь отмечал, что «отдел старопечатных книг не имеет для себя надлежащего места, купленный в прошлом году шкаф всего не вмещает и поэтому книги и рукописи приходится помещать в каменную нишу, в которой они подвержены порче» и в связи с этим «было бы желательно поместить церковное древлехранилище в другом здании, в более обширном и теплом или, в крайнем случае, устроить шкафы для рукописных памятников». [13, с. 425].

К июню 1916 г. положение древлехранилища улучшается. Дело в том, что именно на этот период было запланировано Торжественное открытие мощей Св. Иоанна Тобольского, на которое должны были приехать чиновники Св. Синода и епископы разных епархий. В связи с этим помещение музея было отремонтировано, приобретены витрины и шкафы, предметы размещены «в стройности и порядке». Внимание высоких гостей особенно привлекли иконы Новгородского и Московского письма, а также редкие рукописные книги. Помимо духовных и светских сановников музей посетило значительное количество отдельных посетителей и групп, прибывших к открытию мощей. Тем не менее, по замечанию заведующего, помещение не отличалось удобством, в нем по-прежнему «господствуют сырость от недостатка отопления и каменного пола и теснота. Вследствие этого приходится держать предметы в глухих витринах и шкафах. Когда поступают новые предметы, создается затруднительное положение», поскольку фонд музея уже насчитывает 2194 ед. хр. [15, с. 10].

В дни прославления Св. Иоанна Тобольского было принято решение о переименовании Тобольского Епархиального Братства святого великомученика Димитрия Солунского в Тобольское Свято-Иоанно-Димитриевское православно-церковное братство, о чем свидетельствуют данные отчета Братства за 1916-1917 г. В указанных отчетных данных есть и сведения о древлехранилище, касающиеся только состава фонда и текущих поступлений, согласно которым на начало года в музее было сосредоточено 2194 ед. хр., а к концу года 2228 ед. хр. [16, с. 103-110].

В результате проведенного исследования стало известно, что древлехранилище действовало или до 1918 года (именно в этом году были последние записи в описи музея, свидетельствующие о передаче в его фонд 23 ед. хр. – вещей (преимущественно иконы) принадлежавших епископу-мученику Преосвященнейшему Гермогену, епископу Тобольскому и Сибирскому), или до 1924 г. В пользу последней даты говорит «Сдаточная опись книгам Тобольского кафедрального собора и бывшего при нем древлехранилища, переданным на хранение в Тобольский окружной архив 9 декабря 1924 г.» ныне хранящаяся в Государственном архиве г. Тобольска [17, л. 90-94]. Согласно описи № 1 в архив было передано 181 ед. хр. (книги), которые были приняты заведующим архивом [17, л. 90-94]. Согласно описи № 2 в архив поступило и 84 наименования различных документов (каждое в нескольких экземплярах) [17, л. 95-97]. Что же касается вещественных и изобразительных материалов древлехранилища, то они в 1926 г., в сильно пострадавшем виде были переданы по инициативе Бирюкова Николая Апполоновича в Музей Тобольского Севера (ранее Тобольский губернский музей, ныне ТГИАМЗ) [18, с. 64]. Необходимо заметить,

что Николай Апполонович Бирюков (1861-1930) до революции был преподавателем Тобольской Духовной Семинарии, являлся действительным членом церковного древлехранилища, возглавлявшим научно-поисковую работу в Архивной комиссии и членом «Общества изучения края» при музее Тобольского Севера (ныне ТГИАМЗ).

Таким образом, в ходе реконструкции деятельности Тобольского церковного древлехранилища было выявлено, что оно создавалось в контексте мер, направленных на охрану памятников церковной старины рубежа XIX-XX вв. и по инициативе общественной организации – Тобольского Епархиального братства (в европейской части России такие музеи создавались при церковно-археологических обществах). Рабо-

та древлехранилища осуществлялась в рамках церковной политики Тобольской епархии и была направлена на документирование, сохранение и научное изучение истории православия в регионе. Несмотря на бытовые трудности (недостаточное материальное обеспечение, непригодное для нужд музея помещение) древлехранилище являлось своеобразным научно-исследовательским центром, выполнявшим функции историко-археологического общества. Историческая действительность первой четверти XX в. повлияла на прекращение деятельности древлехранилища, но его фонды и научные изыскания и работы частично сохранились в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике и Государственном архиве г. Тобольска.

Библиографический список

1. Справочная книга по Тобольской епархии на 1908 г. / Издание ТЕБ св. великомученика Д. Солунского. – Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1908.
2. Тобольское церковное древлехранилище // ТЕВ. – 1902. – № 22.
3. Устав церковного древлехранилища при Тобольском Епархиальном Братстве св. великомученика Д. Солунского // ТЕВ. – 1902. – № 1.
4. Отчет Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского за 1901-1902 гг. // ТЕВ. – 1903. – № 2.
5. Докладная записка // ТЕВ. – 1903. – № 13.
6. Отчет о состоянии Тобольского церковного древлехранилища с 26 окт. 1903 г. по 26 окт. 1904 г. // ТЕВ. – 1905. – № 4.
7. Протокол общего собрания ТЕБ (18.04.1904) // ТЕВ. – 1904. – № 9.
8. Отчет о состоянии ТЦД за 1908 – 1909 год // ТЕВ. – 1910. – № 6.
9. Отчет о деятельности Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского за 1909-1910 г. // ТЕВ. – 1910. – № 24.
10. Отчет деятельности Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского за 1910-1911 г. // ТЕВ. – 1912. – № 1.
11. Отчет о деятельности Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского за 1911-12 г. // ТЕВ. – 1913. – № 8.
12. Отчет о деятельности Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского за 1912-13 г. // ТЕВ. – 1914. – № 9.
13. Отчет о деятельности Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского за 1914-1915 гг. // ТЕВ. – 1916. – № 4.
14. Отчет о деятельности Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского за 1913-14 г. // ТЕВ. – 1915. – № 7.
15. От совета Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского // ТЕВ. – 1917. – № 1.
16. Отчет о деятельности Тобольского Свято-Иоанно-Димитриевского православно-церковного братства за 1916-1917 год // ТЕВ. – 1918. – № 6.
17. «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 65, оп. 1, д. 1.
18. Тобольский биографический словарь. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2004.

Bibliography

1. Spravochnaya kniga po Tobol'skoy eparkhii na 1908 g. / Izdanie TEB sv. velikomuchennika D. Solunskogo. – Tobol'sk: Tipografiya Eparkhial'nogo Bratstva, 1908.
 2. Tobol'skoe cerkovnoe drevlekhranil'it'e // TEV. – 1902. – № 22.
 3. Ustav cerkovnogo drevlekhranil'it'a pri Tobol'skom Eparkhial'nom Bratstve sv. velikomuchenika D. Solunskogo // TEV. – 1902. – № 1.
 4. Otchet Tobol'skogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo za 1901-1902 gg. // TEV. – 1903. – № 2.
 5. Dokladnaya zapiska // TEV. – 1903. – № 13.
 6. Otchet o sostoyanii Tobol'skogo cerkovnogo drevlekhranil'it'a s 26 okt. 1903 g. po 26 okt. 1904 g. // TEV. – 1905. – № 4.
 7. Protokol obshchego sobraniya TEB (18.04.1904) // TEV. – 1904. – № 9.
 8. Otchet o sostoyanii TCD za 1908 – 1909 god // TEV. – 1910. – № 6.
 9. Otchet o deyatelnosti Tobol'skogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo za 1909-1910 g. // TEV. – 1910. – № 24.
 10. Otchet deyatelnosti Tobol'skogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo za 1910-1911 g. // TEV. – 1912. – № 1.
 11. Otchet o deyatelnosti Tobol'skogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo za 1911-12 g. // TEV. – 1913. – № 8.
 12. Otchet o deyatelnosti Tobol'skogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo za 1912-13 g. // TEV. – 1914. – № 9.
 13. Otchet o deyatelnosti Tobol'skogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo za 1914-1915 gg. // TEV. – 1916. – № 4.
 14. Otchet o deyatelnosti Tobol'skogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo za 1913-14 g. // TEV. – 1915. – № 7.
 15. Ot soveta Tobol'skogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo // TEV. – 1917. – № 1.
 16. Otchet o deyatelnosti Tobol'skogo Svyato-Ioanno-Dimitrievskogo pravoslavno-cerkovnogo bratstva za 1916-1917 god // TEV. – 1918. – № 6.
 17. «Gosudarstvenniy arkhiv v g. Tobol'ske». F. 65, op. 1, d. 1.
 18. Tobol'skiy biograficheskiy slovar'. – Ekaterinburg: «Ural'skiy rabochiy», 2004.
- Статья поступила в редакцию 01.06.11*